

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. МАТЕРИАЛЫ ЧЛЕНА-СОТРУДНИКА СЕКТОРА ОБОРОНЫ
ГОСПЛАНА Н. СНИТКО (1930–1931 гг.)ДОКУМЕНТ 2А

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СЕКТОРА ОБОРОНЫ ГОСПЛАНА

Доклад
(о характере будущей войны и задачах обороны)*1. Политическая обстановка.*

Политическая обстановка будущего вооруженного столкновения СССР с его капиталистическим окружением может быть весьма разнообразной только в деталях, в основном же здесь возможны лишь три грубо-отличных варианта:

Первый, когда империалисты, заключив между собой временные компромиссы, организуют нападение на СССР в целях разрешить вооруженной борьбой основное противоречие современного мирового хозяйства — сосуществование двух принципиально противоположных экономических систем. Это наиболее для нас неблагоприятный вариант. Он будет характеризоваться, с одной стороны, —разгромами в отдельных странах коммунистического движения и революционного крыла профсоюзов, усилением лево-буржуазных и социал-фашистских группировок, с другой — все возрастающим обострением классовых противоречий, ростом боевой активности трудящихся, учащающейся и обостряющейся по своим формам экономической забастовочной борьбой, грозящей перерасти в вооруженное восстание. Под угрозой этой смертельной опасности капиталисты найдут формы компромиссных разрешений своих взаимных противоречий и, учитывая рост опасности для капиталистического общества в нашем хозяйственном росте, начнут одновременное наступление на свой собственный рабочий класс и «превентивную» войну против СССР.

Второй, когда империалисты начинают между собой новую мировую войну. Мы можем оказаться вовлеченными в борьбу либо на стороне одной из коалиций, либо, что для нас вероятнее всего, в качестве третьей воюющей стороны, имея своими противниками обе враждующие между собой коалиции.

(История знает случаи таких, правда редких, трехсторонних войн; напр. война Украины — Богдана Хмельницкого одновременно с Турцией и Польшей, враждовавших в это время между собой; наша борьба в 1918 г. одновременно с германскими войсками и чехо-словаками—представителями Антанты и т. п.).

Третий, когда объективный ход развития отношений СССР с внешним ему капиталистическим хозяйствующим миром приходит к такому положению, при котором дальнейшее развитие социалистического общества требует расширения его международных хозяйственных связей, не осуществимого в условиях наличествующего социального противоречия. Наличие в этих условиях растущего революционного движения в капиталистическом обществе, достаточная прочность нашей экономической, политической базы и чисто военной подготовки может поставить перед нами вопрос о нашем переходе в вооруженное наступление на капитализм, чтобы развязать мировую революцию.

Так как первый вариант наиболее трудный для нас, требующий от нас наибольших усилий, одновременно и как [sic!] более вероятный по своим условиям для ближайшего периода, то мы будем рассматривать именно его.

Второй и третий варианты настолько своеобразны и так отличны каждый из них от первого, что о них необходимо говорить особо. То обстоятельство, что они для

ближайшего будущего являются наименее возможными, позволяет нам пока эти варианты исключить из рассмотрения вовсе.

В соотношении с частными особенностями первого варианта, политической обстановки войны в тех или иных случаях ее возникновения и в соответствии с размерами материальных ресурсов, которыми СССР будет обладать к началу войны и в ходе ее развития, политическими целями войны могут быть:

а) «полная победа» и б) «полупобеда».

В первом случае задачей стратегии будет такой разгром вооруженных сил выступивших против нас капиталистических государств, чтобы в итоге военной победы Красной Армии СССР трудящиеся массы враждебных государств могли бы захватить власть и превратить свои страны в Союзные нам Советские Республики.

Во втором случае мы имеем своей задачей как политическую, так, возможно, на отдельных этапах борьбы, и стратегическую оборону.

Задачи стратегии — разгромом, отражением нападений, изнурением вооруженных сил противника добиться от напавших на нас капиталистических стран отказа от продолжения борьбы и обеспечение, таким образом, возможности заключения мира, сохраняющего в основном существовавшее до начала войны положение СССР.

Мы будем рассматривать нашу проблему, исходя из политической цели — «полной победы».

2. Сравнительная оценка театров войны.

Вероятными противниками, которые выставят против нас на полях войны свою вооруженную силу, объединив свои армии в составе организованного коалиционного фронта, нами рассматриваются все сопредельные с нами капиталистические государства. В тылу этих государств находятся их великодержавные покровители и вдохновители, которые на первоначальных этапах войны не принимают в ней участия, а лишь содействуют [этим государствам], оказывая материальную помощь, посылая инструкторов, командный состав сухопутных частей, некоторые специальные части (бронетанковые, моторизованные и т. д.), авиацию и морские силы. В дальнейшем ходе войны не исключается возможность появления на полях ее и экспедиционных корпусов армий великих держав, что будет зависеть от развития событий войны и внутривнутриполитического положения в этих странах.

А. В соответствии с этой предпосылкой Красная Армия на европейском театре войны будет иметь против себя армии следующих стран:

а) Финляндии, поддерживаемой Шведской армией, базирующейся на шведскую военную промышленность. Морской флот Финляндии выступает также объединенно.

(Основание. Шведофильское направление политики Финляндии объясняется тесными экономическими связями между шведской и финской буржуазией; тесные открытые связи шютскоровских и спортивных буржуазных финских организаций с такими же организациями Швеции; частые взаимные визиты военных и политических деятелей обеих стран, имевшие завершением своим обмен визитами между президентом Финляндии и шведским королем, посетившим Гельсингфорс в 1929 г. летом; наконец, фактом заказов на вооружение (орудия и приборы) для Финской армии на шведских заводах, в частности на заводе в Бофорсе).

б) Эстонии. Эстонская армия будет тесно увязывать свои действия с Финской и Шведской, что видно из постоянного обмена офицерами Генер[альных] Штабов этих стран, взаимного посещения маневров, школ, лагерей. Невольно напрашивается предположение о совместных действиях из-за единого объекта наступления этих армий — Ленинграда. Следует ожидать объединенного командования для Шведской, Финской и Эстонской армий и флотов; есть все основания думать, что Английский Генеральный Штаб, представители которого, равно как и Английского Морского Генерального Штаба, неоднократно посещали Эстонию и Финляндию, подготавливая в этих странах базы для

своего флота и, возможно, и сухопутных сил, принимают меры к налаживанию объединенного командования армиями Швеции, Эстонии и Финляндии, намечая его, возможно, даже в лице кого-либо из своих английских генералов.

в) Латвии, армия которой может координировать свои действия с Эстонией и Польшей. Являясь для последней обеспечивающей левый фланг всего фронта, прикрывающей Либавский порт — одну из частей коммуникации польской армии, дополняющей и страхующей направление на Данциг, Латвия пользуется уже сейчас большим вниманием в Польском Генеральном Штабе. Наличие договоренностей и связи уже с мирного времени подтверждается рядом общеизвестных фактов (Литвиновский протокол, отношение Латвии к Виленскому вопросу и вопросу о Либаво-Роменской ж. д. и т. д.). Разделяющая Польшу и Латвию территория Литвы, в случае нейтралитета последней, затруднит взаимодействие обеих стран на поле боя и может повлечь за собой необходимость для них вооруженным воздействием принудить Литву примкнуть к Польско-Латвийской коалиции.

Поэтому нами рассматривается тот случай, наиболее возможный, когда Литва, под влиянием опасности для ее буржуазии оказаться перед революцией в собственной стране, открыто станет на сторону наших противников как ее классовых союзников и войдет в Польско-Латвийскую коалицию в самом же начале войны.

Основаниями для предположения о таком варианте служит выступление Литовских общественных деятелей за федерацию с Польшей при условии получения Вильно. В этом случае Литовско-Латвийско-Польская коалиционная армия сможет выступить, тесно увязывая свои действия на фронте от Полесья до Рижского залива. Национальные противоречия (Латгальская проблема, Виленско-Двинский район и ряд других, возникающих при движении противника на восток) будут основными трудностями, дезорганизуемыми боевые действия коалиции в данном районе, равно как и наше решительное наступление, раскалывающее коалиционный фронт.

г) Польши и Румынии, поддержанные вооруженными силами Чехо-Словакии.

Союз Польши и Румынии, хотя по форме и носит оборонительный характер, но по содержанию своему есть антисоветский наступательный союз, все более расширяющийся по принимаемым на себя обязательствам договаривающимися сторонами. Наличие одновременно с Чехо-Словакией самостоятельных договоров Польши и Румынии с Францией, обязующейся оказать в определенных размерах помощь Румынии, Польше и странам Малой Антанты в случае их войны с нами, даст нам основание ожидать, что Чехо-Словакия не только не ограничит свою помощь Румынии и Польше только обеспечением тыла со стороны Германии и Венгрии или только предоставлением своей военной промышленности для обслуживания польской и румынской армий, а и сама введет в дело свои вооруженные силы, рассчитывая на территориальные приобретения не столько за счет нас, сколько за счет той же Польши, Венгрии и Австрии.

Но если непосредственное участие армии Чехо-Словакии в боях с нами может вызвать некоторое сомнение, то оказание материальной помощи выполнением заказов на своих военных заводах для Польши и Румынии — совершенно бесспорно.

Заводы Шкода не только уже сейчас выполняют большие заказы для этих армий, но организуют в Польше на ее заводах специальные артиллерийские производства.

д) Остальные балканские и среднеевропейские государства (Болгария, Австрия, Венгрия, Юго-Славия, Греция) решающего участия в войне принять не могут из-за ограниченности их вооруженных сил и сложности политической обстановки на Балканах. Однако в ходе войны не исключено появление некоторого количества дивизий из этих стран на полях войны против нас. Как на Румыно-Польском участке фронта, так и на других (Крым, Кавказ, десанты).

Более крупные европейские державы — Германия, Италия, Франция, Англия — будут или нейтральны, соблюдая при этом, по-видимому, дружеский нейтралитет по отношению [sic!] наших противников, или (как Франция, Англия и отчасти Италия) активно помогать им. Наличие соглашений и договоров, путешествие представителей Генеральных Штабов,

подбор уже в мирное время в Польше и Румынии соответствующей материальной части (винтовки французские и немецкие, пушки французские и чехо-словацкие, самолеты французские, итальянские и английские) [позволяют] говорить о существовании определенных связей и о том, что эти связи во время войны имеют все тенденции к расширению, так как с материальной частью французского происхождения польская армия уже будет знакома и освоить ее сможет быстро, а, с другой стороны, французские или английские летчики, офицеры и «добровольцы» найдут в Польше знакомую им материальную часть. То же можно сказать про Румынию и ее отношения как с Францией и Италией, так и с Чехо-Словакией.

Б. КАВКАЗСКО-ЧЕРНОМОРСКИЙ ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ может возникнуть в самом начале же войны в случае соответствующего выступления против нас Турции и Персии, поддержанного Англией и Балканами. При соблюдении Турцией и Персией дружественного нейтралитета этот фронт может быть образован или десантными действиями русских белогвардейских частей (Врангелевских или других), или десантами Англии и Италии в Грузии и действиями английских экспедиционных корпусов через Персию, нарушая ее нейтралитет.

В. СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ТЕАТР может образоваться, так же как и Кавказско-Черноморский, выступлениями Персии и Афганистана, поддержанными Англо-Индийской и Китайской армиями, с началом же войны на западе или в ходе войны. Здесь положение также будет определяться характером взаимоотношений у нас с Персией и Афганистаном, однако даже при нейтралитете этих стран, но при недостаточно прочном советском строительстве в среднеазиатских республиках вдоль границы, в Туркменских степях, в Дарвазе и Каратегине, Бадахшанском районе, на границах с Синьшанской провинцией и Китайским Туркестаном могут появиться значительные белобандитские и басмаческие шайки, шайки Джунаид-хана и Эмиро-бухарские отряды.

Г. ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ТЕАТР, вероятнее всего, образуется в начале же войны новым захватом КВЖД и вторжением в ДВО (sic! Правильно: «ДВК». — О. К.) китайских и белогвардейских частей, поддержанных регулярными японскими частями. Японская же армия, вероятно, в самом же начале войны будет стремиться оккупировать Сев[ерный] Сахалин и Приморскую Область. Единственной причиной, сдерживающей Японию, может оказаться заинтересованность САСШ в КВЖД и нежелание их дать возможность Японии укрепляться на берегах Тихого океана.

Оценивая значение для нас того или иного театра военных действий, необходимо отметить, что решительное поражение или успех с нашей стороны на Европейском театре военных действий будет иметь значение и для остальных. Частные же победы на большинстве остальных театров (Дальне-Восточный, Кавказско-Черноморский) непосредственно почти никакого влияния на события на Европейском театре не окажут. Кавказско-Черноморский фронт имеет свое особое значение, что отмечается нами ниже.

Из неевропейских театров крупнейшее значение для хода событий на европейском театре будет иметь среднеазиатский, где мы наиболее близко подходим к самым уязвимым местам Британской империи и Французской республики — их богатейшим Индо-Китайским и Индостанским колониям.

Поэтому, имея полную возможность оказывать сдерживающее сопротивление Японии и Китаю в Приамурье, ведя здесь затяжную малую войну на всей оккупируемой противником территории и используя Забайкалье как выгоднейший рубеж для позиционного фронта, на среднеазиатском театре, и особенно его афгано-индийском фронте, мы должны быть активны.

Кавказско-Черноморский театр, не имея возможности влиять непосредственно на ход оперативных событий западного театра войны, имеет для нас особое значение в силу угроз, создаваемых наличием успехов противника на этом театре для важнейших жизненных центров страны — нефтеносным районам Кавказа и нашим металлургическим и угольным базам Приазовского края. Наши неудачи здесь более опасны для нас в

отношении всего хода войны, чем для противника его поражение, как на Кавказско-Черноморском театре, так и на Западном, если на последнем, кроме наших соседей, выступали и их непосредственные соседи—союзники и армии великих держав.

Поэтому изучение проблемы будущей войны следует расчленить на такие части:

- 1) Борьба на Европейском (Западном) театре за достижение основных политических задач войны.
- 2) Обеспечение материальной базы войны на Кавказско-Черноморском театре.
- 3) Подготовка (политическая и военно-техническая) возможности нашего вторжения в Индию, чтобы этой угрозой и поднятием там национально-освободительного движения лишить основных материальных источников наших главнейших противников и тем заставить их воздержаться от открытого активного участия в борьбе против нас на вооруженных фронтах.
- 4) Подготовка и организация сдерживающей борьбы на Дальневосточном театре военных действий в целях выигрыша времени для разрешения вопросов войны на Европейском театре и освобождения нужных сил для активного затем развития событий и на Дальнем Востоке, если к тому еще явится необходимость.

Разрешение этих задач на Дальневосточном фронте осуществляется как ведением малой войны, так и соответствующей политической борьбой в тылу Китайской и Японской армий в Среднем Китае, Манчжурии, Внутренней Монголии и Корее.

3. Борьба на Европейском (западном) театре за достижение основных политических задач войны.

[А. а)] *Характеристика театра военных действий.*

Не вдаваясь в подробное военно-географическое и военно-статистическое описание западного театра военных действий, что совершенно невозможно по характеру и размерам данной работы, постараемся дать краткую характеристику его в целях определить экономическое и политическое значение, выяснить влияние его свойств на характер стратегической обстановки и возможное развертывание на нем враждебных для нас вооруженных сил.

Протяжение по фронту западного фронта военных действий, считая конечными точками его флангов на севере Мурманское побережье Ледовитого океана и на юге — устье Днепра, будет около 3 000 километров, из которых около 1 500 км. составляют Финляндский участок, около 17 км. — Эстонский (считая, в том числе, Чудское и Покровское озера, протяжением около 120 км.), 210 км. — Латвийский, 800 км. — Польский и остальные 320 км. — Румынский.

Таким образом, почти половина этого театра военных действий, а именно северная его часть, являются территорией, отброшенной от наших основных производящих районов далеко на север. Эта часть театра представляет как бы самостоятельный «Карельско-Мурманский фронт», имеющий протяжение около 1200–1300 километров от Мурманска до Онежского озера.

Плохо связанный путями сообщений с центром страны, проходящий по малозаселенному району, не имеющему в экономике страны пока крупного значения, за исключением наличия здесь Мурманского незамерзающего порта и апатитовых месторождений, а также богатых лесных массивов, этот фронт следует рассматривать как самостоятельный стратегический участок с развивающимися на нем чисто местными по своему значению операциями, тем более что и со стороны противника в этот район нет достаточно удобных подходов, слабо развиты пути сообщения и прилегающие районы не имеют большого экономического значения. Однако на этом фронте находятся кратчайшие направления (250–300 км. от границы) к сухопутным путям связи Шведской и Финляндской армий, что дает возможность усложнить активность действий шведов на Финском участке даже и при наличии удобных для них сообщений через Ботнический залив, мало доступных для нашего военного флота из-за укрепления противником

Аландских островов. Это обстоятельство требует от нас поставить себе задачей на данном участке европейского театра войны стремиться угрожать железнодорожной линии на Торнео—Улкаборг, сдерживая проникновение противника к линии Мурманской железной дороги и отвлекая тем самым часть его сил от остальных участков Финляндского фронта.

По условиям местности характер наших действий здесь должен состоять из группировки небольших подвижных отрядов, снабженных богатым авиатранспортом, аэросанями и автотранспортом и имеющих специальную горную артиллерию. Зимний период почти совершенно исключает возможность ведения крупных операций. В качестве транспортных проблем возникает необходимость подготовки легко проходимых для автотранспорта дорог, идущих от линии железной дороги Вологда—Архангельск на северо-западе между Онежским заливом и г. Повенец к финской границе, а также от Мурманской железной дороги к границе.

Далее к югу мы имеем стратегический участок большого и политического и экономического значения. Протяжение его около 500 км., считая от северной оконечности Онежского озера до южной оконечности Чудского. Сухопутная часть этого «Эстоно-Финского фронта», однако, не больше 230–250 км. Значение этого фронта для нас определяется нахождением здесь ряда крупнейших промышленных предприятий, электростанций и политических центров Петрозаводска и Ленинграда. Именно на этом фронте мы имеем кратчайшие направления к жизненным центрам Финляндии и Эстонии. В составе этого же фронта, взаимодействуя с сухопутными операциями на нем, будут развиваться наши морские операции в Балтике. Здесь, на этом фронте, мы встретим большую часть Финляндской, Шведской и Эстонской армий, их военно-морские флоты и флоты великих держав. В своих действиях мы можем, развивая активность по двум основным операционным направлениям Ленинград—Таммерфорс—Ваза (около 600 км.) и Ленинград—Ревель—Гапсаль (400 км.), использовать выгоду своего положения для применения действий по внутренним операционным направлениям. Необходимая для этой цели железнодорожная связь наличествует и пополняется богатой сетью хороших дорог. Размер отдельных мероприятий, необходимых в целях повышения свободы и размаха железнодорожного маневра, будет невелик.

Латвийско-Литовский и связанный с ним северный польский участок фронта, имеющий свою северную границу у Чудского озера и южным флангом уходящий в Полесье, имеет, таким образом, протяжение около 600 километров, являясь важнейшим участком всего театра военных действий, т. к. именно здесь проходят наиболее удобные направления на Москву и на важнейшие по своему экономическому и политическому значению районы БССР и РСФСР и к таким же центрам противников. Важнейшие операционные направления на этом «Северо-Западном фронте» театра войны – Псков—Рига—Либава — 460 км., выводящие как к политическому и экономическому центру Латвии, так и к важнейшему пункту польской коммуникации на линии Польша—Франция.

Двинск—Ковно—Сувалки — 300 км. [— направление,] проходящее по важнейшим районам Литвы и расчленяющее Польско-Литовско-Латвийскую коалицию.

Полоцк—Гродно—Ломжа—Познань — 800 км. — направление, охватывающее левый фланг польского фронта, перерезающее связь с Данцигом.

Минск—Белосток—Варшава—Лодзь—Бреславль—Прага — 900 км. — направление на ряд промышленных районов и политических центров противников.

Минск—Брест—Радом—Краков—Брно — 850 км. — направление, корреспондирующееся предыдущему.

На этом фронте мы встретим всю Литовскую и Латвийскую армии и значительную часть Польской армии. (В зависимости от развития наших действий и действий противников к югу от Полесья здесь может быть или 2/3 польской армии, или 1/2 [совокупных] сил.)

От Полесья до Черного моря образуется Румыно-Польский фронт общим протяжением более 700 километров. По характеру и направлению развития событий этот фронт имеет

тенденцию в дальнейшем распасться на два самостоятельных. Здесь, кроме всей Румынской армии и либо 1/2, либо 1/3 Польской армии, мы, несомненно, будем иметь значительные Чехо-Словацкие вооруженные силы.

На этом фронте мы имеем ряд ответственных операционных направлений, значение которых обусловлено тем, что они или бьют по стыкам коалиции (направления в разрез между Чехо-Словацкой и Польской армиями и армией их союзника Румынии), или проходят по районам с огромным % населения, состоящего из угнетаемых национальных меньшинств (Галиция, Верхняя Русетия, Бессарабия, Банат и т. д.), или выводят к районам сосредоточения большого количества основной тяжелой и военной промышленности и политическим центрам противника (в тыл Варшаве, в район так называемого треугольника наибольшей безопасности, в Краковский промышленный район, к границам основных районов Чехословакии, к румынской столице и промышленному центру Бухаресту, Банату (металл), Плоешти (нефть)).

Значение этого участка театра войны определяется еще и тем, что в тылу его на очень небольшом удалении находятся Криворожский и Донецкий промышленные районы, Херсон и Николаев с их морзаводами, Днепрострой. Поэтому могут иметь место и такие попытки наших противников, когда при организации крупных десантов на юге (Кавказ–Крым) ими одновременно будут организованы крупнейшие наступательные операции именно на Румыно-Польском фронте, с переходом к обороне севернее Полесья с самого же начала войны. Единственным препятствием может оказаться недостаток сил в лице одних Польской и Румынской армий. Если же в борьбу против нас капиталисты сумеют вовлечь в качестве активных участников всех или большинство соседей Румынии и Польши (Болгарию, Юго-Славию, Венгрию, Чехословакию, Австрию), то такой вариант планов противника может оказаться весьма вероятным.

б) Вооруженные силы противников (численность мобил[изуемых] армий и состояние вооружения).

Определение численности вооруженных сил, которые коалиционная армия наших противников может выставить на европейском театре войны в ее первом периоде, может быть произведено путем изучения численности армий соответствующих стран в мирное время, установления коэффициента развертывания отдельных частей и всей армии в целом на основании как более или менее точных данных о штатах военного времени и схемах развертывания, так и на основании расчета потребностей живой силы и материальных средств и сопоставления этих потребностей с имеющимися запасами.

В этом последнем случае для наших противников вначале лимитом будет служить наличие материальной части, которое, пополняясь усилиями великих держав, потеряет в ходе войны свое значение, и в дальнейшем ограничивать как возможности новых формирований, так и возможную длительность войны будут, главным образом, численность и состояние (особенно политическое) ресурсов живой силы.

По опыту мировой войны известно, что первоначальное развертывание вооруженных сил при мобилизации не характеризует полной военной мощи страны, т. к. вслед за общей мобилизацией армии начинаются новые формирования. Они базируются на ту материальную часть, которая создается уже во время войны и которую иметь в запасе в мирное время является непосильным ни для какой экономики.

Так, например, Германская армия, имея в мирное время (нрзб. Должно быть: 50. — О. К.) дивизий пехоты, развернула при первоначальной мобилизации свою армию до 80 дивизий, а в ходе войны увеличила ее численность до 236 дивизий, причем количество технических средств возросло в большей пропорции, чем число дивизий, а количество живой силы — в меньшей. Для большинства из наших соседей, однако, уже в первоначальном развертывании будет проявлено такое напряжение, что больших остатков обученных военнообязанных не будет, и в ходе войны новые формирования будут затруднены.

Приведенные выше предположения о численности вооруженных сил противников заключают в себе данные о размерах армий к концу первого года войны и о тех ресурсах живой силы, которые остаются еще неиспользованными к началу второго года.

Чтобы иметь возможность вывести численность вооруженных сил в военное время по данным численности их в мирное время, необходимо рассмотреть в сопоставлении а) штаты мирного и военного времени, б) запасы вооружения и потребность в них по штатам военного времени, в) размеры обученных и необученных, но пригодных к службе контингентов военнообязанных.

Коэффициент развертывания стрелковой дивизии

Таблица № 1

Страна	Общ[ая] числ[енность] стр[елковой] дивизии		Числ[енность] пулем[етов]		Число орудий		Коэффициент развертывания		
	Мир[ное] вр[емя]	Воен[ное] в[ремя]	М[ирное] в[ремя]	В[оенное] в[ремя]	М[ирное] в[ремя]	В[оенное] в[ремя]	По числен[ности]	По пулем[етам]	По орудиям
Финляндия	4 380	15 000	324	405	12/20* **	12/24	в 3 р.	в полт[ора] раза	почти не изм[еняется]
Швеция*	3 050	6 100	—	—		—	в 2 р.	—	—
Эстония	3 450	14 500	180	432	8/8	12/24/8 ****	в 3,8 р.	в 2 1/2 р.	Легкие пушки удв[аиваются]
Латвия	3 300	12 000	114	312	8/16	12/24	в 4 р.	почти в 3 раза	в 1 1/2 р.
Литва**	3 500	12 000	—	—	—	—	в 3 1/2 р.	—	—
Польша	5 370	14 500	190	450	12/24	12/24	в 2 1/2 р.	в 2 1/2 р.	без изменений
Румыния	3 260	13 500	396	522	16/36	16/36	в 4 р.	в 1 1/2 р.	—
Чехо-Словакия* *	8 000	15 000	270	414	24/48	?	в 2 р. (?)	в 1 1/2 р.	—

* Данные о Шведской армии относятся к численности полка; полки отдельные.

** Данные о Литве и Чехо-Словакии ориентировочные, точных данных нет. Чехо-Словакия до 1925 г. имела 4-х полковую дивизию и 2 арт[иллерийских] полка в дивизии.

*** Числитель — гаубицы, знаменатель — пушки.

**** Эстония тяжелую артиллерию во вр[емя] войны имеет в составе дивизии.

Таким образом, развертывание при мобилизации стрелковых дивизий наших противников потребует для перехода этих дивизий на штаты военного времени увеличения в три раза (в среднем) общей численности личного состава дивизии и удвоения числа пулеметов.

Однако это только часть мобилизационной проблемы.

Другая часть ее состоит в том, что необходимо увеличить и само число этих стрелковых дивизий, а также и других специальных частей и создать совершенно новые военные учреждения и вспомогательные организации.

На основании различной достоверности данных общая численность армий наших противников в итоге развертывания ее по мобилизационным планам намечается следующая:

Численность армий мирного и военного времени

Таблица № 2

Страна	В мирное время				В военное время				Коэффициент	
	Стр[елковые дивизии]	Кав[алерийских дивизий]	Отд[ельных специальных частей]	Общ[ая численность] (в тысячах)	Стр[елковые дивизии]	Кав[алерийских дивизий]	Отд[ельных специальных частей]	Общ[ая численность] (в тысячах)	Организация развертывания пехоты	Развертывание общей численности
Финляндия	3,5	0,5	26	33	10	0,5	Сведен	200	3	6
Швеция*	9,3	1,5	7	80	18	2,5		220	2	2,7
Эстония	3	0,25	6	16	5	0,5		100	1,7	6
Латвия	4	0,25	7	20	7	0,5		120	1,7	6
Литва	3	0,5	6	15	5	0,5		120	1,7	7
Польша	30,5	7	118	300	70	7		2 200	2,3	6,7
Румыния	25	4,5	100	207,9	50	4,5		1 200	2	6
Чехо-Словакия**	13	2,5	36	150	30-40	2,5-5	900-1 000	2,5	6	
Всего	91,3	17	306	821,9	195-205	18,5-21		4 860-5 000		

* Швеция не имеет дивизионной системы, и расчеты для нее сделаны мною, исходя из следующих соображений: а) в мирное время она имеет 28 полков, что соответствует 9,3 дивизии 3-х полкового состава, б) армия территориальная, ее кадр 20 т. чел. и переменный состав — 4 возраста — 60 т. Во время войны призывается 1-й разряд (10 возрастов) и 4 возраста 2-го разряда, т. е. все военнообязанные до 34 лет. Это дает возможность полкам удвоить свою численность (имея в виду, что батальонное хозяйство самостоятельно, — вероятно, батальоны развертываются в полки, но людей на всех, а также для специальных вспомогательных частей не хватает, и поэтому коэффициентом развертывания числа полков взято не утроение их по числу батальонов, а увеличение только в 2 раза). Общая численность армии в военное время, таким образом, составит из 20 т. кадра, 60 т. очередного контингента (4 возраста) переменников, 6 возрастов — 80 тысяч — 1-го разряда и 4 возрастов — 60 т. — 2-го разряда, а всего 220 тысяч, что дает возможность иметь двойное количество полков и соответствующее число вспомогательных и специальных частей.

** Чехо-Словакия сейчас, ограниченная условиями Версальского договора, имеет общую численность 140–150 тыс. чел (по договору не свыше 140 т.) и имеет только 13 дивизий, хотя материальные возможности (богатая военная промышленность) и людские ресурсы (около 2-х мил., почти полностью обученных военному делу в возрасте 18–50 лет) дают основание для содержания армии значительно большего количества. Во время войны следует ожидать больших второочередных формирований. Для первоначальной мобилизации удвоение, а затем в ходе войны, в течение первого года — утроение вполне реально.

Для того чтобы иметь основания судить о реальности этих планов и о возможностях для противников в первый же период войны действительно организовать такие, по численности, вооруженные силы, рассмотрим вопрос об обеспечении указанного развертывания запасами вооружений и обученных контингентов.

Запасы вооружения и потребность в них (округленно)

Таблица № 3. Для первоначального развертывания и покрытия убыли в течение первого года войны на (180 % активных и 25 % пассивных винтовок — соответственно пулеметов и артиллерии)

Страна	Винтовки		Пулеметы		Оруд[ия] легк[ие]		[Орудия] тяжелые		Танки		Самолеты		
	Потре б[нос ть] в[оен ного] врем[е ни] для дейст в[ую щей] арм[и и]	Име ется в арм ии в запа с[е]	Пот реб ност ь] в[оен ного] вре м[ен и]	Име ет ся	Пот ребн ость	Име ет ся	Пот ребн ость	Име ет ся	Пот реб ност ь	Име етс я	Потре бн[ост ь] чис[л о] отр[яд ов]/са мол[е тов]	Име ется	При меча ние
Финля ндия	220 т.	бол[ь ше] 200 т.	4 000	4 500	380	300 ⁴⁾	140	80	Н е	40	12/108	100- 150	Пот ребн ости авиа ции
Шведи я	200 т.	кол[и чес тво] неиз [вес тно,] но возм [ож ност и] неог ран ич[е нны]	—	—	—	—	—	5)	и з	—	20/180	250- 300	указ аны толь ко для перв онач альн ого
Эстон ия	100 т.	75- 90 т.	2 100	1 600 ²⁾	190	170	40	40	в	25	6/54	35- 40	разв ерты
Латвия	115 т.	100 т.	2 300	2 500	270	320	36	40	е	25	7/63	45- 50	вани я и
Литва	100 т.	75- 80 т.	2 000	1 200 ³⁾	150	100	?	15	с	20	5/45	35- 40	циф ры

Польша	2 250 т.	1 300 т.	31 500	22 000	ок. 3 т.	6 000	450	400	т	700	70/840	900-1000	окурглены.
Румыния	1 100 т	ок. 600 т.	30 000	9-10 т.	2 700	2 000 ⁶⁾	200	190	н	100	50/500	350-400	
Чехо-Словакия	700 т. — 1 млн. ¹⁾	ок. 300 т.	15 000	—	2 160	—	460 ⁷⁾	—	о	⁸⁾	30-40/360-480	Свед[ений] не имеют ⁹⁾	⁷⁾

- 1) Чехословакия по Версальскому договору должна была уничтожить оружие и иметь ограниченную армию, однако военные запасы велики и производственные возможности тоже.
- 2) Особо острый дефицит в станковых пулеметах.
- 3) Особо острый дефицит в легких пулеметах.
- 4) В 1929 г. был сделан заказ на орудия в Швеции (Бофорс).
- 5) Швеция имеет около 300 орудий, значительная часть которых крепостные.
- 6) Румыния имеет старых около 2 000 пушек и последнее время (1929 г.) закупила около 500 шт. в Чехо-Словакии и во Франции.
- 7) Расчет для Чехо-Словакии — по 1 полевому тяжелому артполку на дивизию (6-ти батарейного состава) и отд[ельные] тяжелые полки автомобильные (10 полков), т. е. вдвое против мирного времени.
- 8) Имеет несколько сот танков и может на своих заводах быстро изготавливать [их] в больших количествах.
- 9) Чехо-Словакия имеет свои авиазаводы и самолеты собственных конструкций, что дает основание предполагать о наличии достаточно крупной авиации.

Запасы различных видов вооружения и сложной материальной части неодинаково обеспечивают намечаемое развертывание армий. По пехотному оружию (винтовки и пулеметы) остро стоит вопрос только для Польши, Румынии, Эстонии и Литвы. Первая из них, преобразовав свой Варшавский оружейный завод в пулеметный (в 1929 г.) и организовав 5 оружейных заводов, дающих в сумме в мирное время 120 тыс. винтовок в год близкого к французскому образцу, получает возможность ликвидировать это «узкое место». Тем более что может закупить в начале войны для тыловых учреждений старые английские, чешские и немецкие винтовки. Эстония может получить пулеметы из-за границы, т. к. ее основные пулеметы, принятые на вооружение, — «Льюис» и «Максим», т. е. в отношении станковых пулеметов образцы общие с Финляндией, как и в отношении винтовок (русские 3-х линейки). Литва имеет пулеметы разных систем (Максим, Кольт, Виккерс и Льюис) и может, как у соседей, так и в Германии и Англии, найти достаточное количество.

Румыния, испытывающая наибольший дефицит, закупает последнее время пулеметы Шварц–Лозе (Чехословакия имеет большие запасы и продала около 6 000 шт., имеется этот же пулемет в Австрии и Венгрии) и Германский Максим (закупила около 1 000 шт.). Собственного производства не имеет, и поэтому можно считать, что будет все время испытывать пулеметный голод по причинам чрезвычайной механизации, предусматриваемой ее штатами. Т. к. указанная в таблице № 3 потребность на военное время предусматривает и потребность на пополнение потерь в течение первого года войны, такое развертывание всех армий в отношении винтовок и пулеметов можно считать в общем обеспеченным, хотя затруднение с пополнением убыли оружия скажется уже в первые месяцы войны.

Что касается артиллерийского вооружения, как легкого, так и тяжелого (особенно гаубицы и мортиры), то лишь Финляндия из-за больших старых запасов русских пушек, Польша — из-за обильного снабжения по дешевке со стороны Антанты и Чехо-Словакия — из-за хорошо развернутой металлургической и крупной военной промышленности, заваленной заказами для Китая, поляков, Южно-Американских Республик и т. п., выходят

относительно благополучно. Остальные же страны в этом отношении будут иметь непреодолимое своими силами ограничение, т. к. их запасы малы, а производства нет. Во всех армиях среднее насыщение в начале войны артиллерией, и особенно тяжелой, будет значительно ниже, чем это предусматривают уставы.

По танкам и по самолетам только Чехо-Словакия может рассчитывать в известной мере на себя. Остальные, исходя из наличия закупленных образцов, силою вещей должны ограничить масштабы своего вооружения этими новейшими средствами борьбы. Поэтому развитие применения танкового и воздушного оружия, к которому готовятся сейчас армии крупных капиталистических стран, на нашем западном театре будет иметь место значительно позже начала войны и на немногих участках. Быстро помочь в этом отношении империалисты смогут лишь самолетами, транспортировать которые можно будет летом, т. е. вне зависимости от реагирования на эти транспорты со стороны железнодорожного пролетариата промежуточных стран и опасностей морского транспорта.

Рассмотрим теперь другой лимит для развертывания по мобилизации армий нашими противниками — ресурсы обученных военнообязанных и общий размер контингентов, которые можно привлечь в армию как годные к службе, хотя и не прошедшие обучения. Эти данные, ограничивая в известном смысле размеры первоначальной мобилизации, решительно определяют размеры последующих формирований и продолжительность времени, в течение которого армия может, пополняя свои потери, вести войну, не снижая своей общей численности.

Запасы военнообязанных и баланс живой силы в армиях противников

Таблица № 4

(в тысячах)

Стран ы	Общая численность			Общ[а я] числен[ость] арм[ии] воен[ного] времен и	Необх о димо заброн [ирова ть] в ка- ч[еств е] раб[оч ей] силы	Остае тся** после моби лизаци и	Потр[е б ность]* ** на 1 г. войны для пополн ения	На скольк о лет войны хватит ресурс ов	Приме чание
	Муж[ское] населен[ие] приз[ыва емых] в[оенно обязан- ных] 17– 50 л[ет]	Годн[ых]* к воен[ной] служб е	Из них обуч[е но] военно му делу						
Финля ндия	800	560	250	200	80	50/28 0	70	4 г.	* средни й % выбрак овки 31 %
Швеци я	1 500	1 200	1 000	220	300	780/6 80	77	8 л.	** числит ель — обу- ченные
Эстони я	250	170	150	100	15	50/55	35	1 1/2 г.	, знамен атель — всего годных к службе
Латвия	350	250	210	120	18	90/11 2	42	2 г.	*** Потреб ности исчисл ены в расчет е на 30 % безвоз вр[атн ых] пот[ер ь] за 1 год войны и 30 %
Литва	430	300	150	120	10	30/17 0	42	4 г.	

									возвр[а щенны х]
Польш а	6 000	4 200	3 000	2 000	500	1 000/ 1 700	700	2 1/2 г	ранены х после 2-х м- цев
Румын ия	3 000	2 100	1 800	1 200	250	600/6 50	420	1 1/2 г.	лечени я (норм ы
Чехо- Сло- в[акия]	2 500	2 000	1 900	900– 1 000	600	1 000/ 500	350	ок. 2 л.	Миним альн[ы е]).

Выводы из данной таблицы говорят, что если наши противники в течение первого полугода войны доведут свою численность до предела, ограничиваемого запасами материальной части, и выставят свои 195 дивизий, то пригодных с точки зрения здоровья и подготовленности контингентов у них для такого же развертывания имеется достаточно. Остатка же их пополнения убыли хватит в среднем на 2–2 1/2 года войны. Уменьшая путем замены женским трудом количество мужчин, занятых в промышленности, понижая требования к физическому состоянию бойцов, наши противники могут найти еще ресурсы живой силы на 1 год войны, т. е. возможная продолжительность ее, определяемая этим лимитом, удлинится до 3–3 1/2 лет, но при условии сохранения общей численности армии не выше первого года войны и при качествах подготовки и выносливости значительно сниженной.

Говоря о продолжительности войны капиталистов против СССР, нельзя забывать, что борьба не ограничится участием в ней одних наших соседей, и в ходе войны на том или ином ее этапе в зависимости как от развития боевых событий, так и политической обстановки перед нами появятся вооруженные силы и великих держав, что внесет в вопрос продолжительности войны некоторое изменение.

Если рассмотреть тем же методом вопрос возможной продолжительности войны в отношении Франции, то армия в середине первого года войны будет иметь 94 дивизии при общей численности в 3 200 тыс. человек и потребует для своего питания в течение года 1 млн. человек. Общее число годных для несения военной службы во Франции равно 9 800 тыс., из них 2 200 тыс. будут забронированы за промышленностью (2 500 тыс. было в мировую войну 1914–18 гг.). Таким образом, для второго года войны останется $(9 800 - 3 200 - 2 200) = 4 400$ т., т. е. достаточные средства для пополнения второго и третьего лет войны при отказе от новых формирований.

Это дает основание утверждать, что даже вмешательство великих держав в войну если и удлинит ее, то не более чем вдвое, т. е., другими словами, создаст предпосылки длительности ее 4–5 лет, конечно, только при невероятно благоприятных для империалистов внутривнутриполитических условиях полного гражданского «мира».

На основании изложенного мы имеем право предполагать, что противники, действующие на европейском западном театре, могут выставить против нас следующие, отнюдь не преуменьшенные коалиционные силы:

Предполагаемая группировка сил противника

Таблица № 5

Фронт	Протяженность в клм.	Дивизии		Пулеметов ручных, станковых и легких	Орудий		Танков	Самолетов	Число бойцов*
		Пехотные	Кавалерийские		Легких	Тяжелых			
Карело-Мурманский ¹⁾	1 200	8 дивизий, 24 стр. полка	8 кав. полков	2 500	290	12	—	100	63 000
Эстонско-Финский ²⁾	230	19	3 кав. полка	6 500	580	150	100	250	100 000
Северо-Западный ³⁾	600	36/61*	4 д./6 д.	15 000/26 000	1 350/230	200/460	240/600	360/900	200 000/350 000
Румыно-Польский ⁴⁾ **	760	95/70	9 д./1 д.	43 000/32 500	4 700/3 750	600/340	800/340	1 300/640	500 000/350 000
На всем театре войны	2 760	158 д.	ок. 15 д.	67 500	6 970	965	1 140	ок. 2 000	863 000

ПРИМЕЧАНИЕ: *) считая в пехотной дивизии 5 000 бойцов и из специальных родов войск бойцов вдвое-втрое больше числа машин, ими обслуживаемых (для артиллерии) 5 чел.)

**) знаменатель — второй вариант развертывания.

- 1) 7 шведских стрелковых дивизий (21 отдельный стрелковый полк) и 2 кавалерийских дивизии (8 полков) и 1 финская пехотная дивизия (шведские части специально приспособлены к особым условиям местности).
- 2) Считая шведских — 5 (15 полков), финских — 9 и эстонских — 5 (остальная часть шведской армии остается внутри страны).
- 3) Латвийских — 7, литовских — 4 (одна на германской границе), польских — 25 дивизий пехоты и 3 кавалерийских (или при нанесении главного удара поляками на этом фронте — 50 стрелковых дивизий и 5 кавалерийских).
- 4) Польских — 40 стрелковых и 4 кавалерийские дивизии (5 дивизий на германской границе и во внутренних районах), чехо-словацких — 45 [стрелковых] дивизий и 2 кавалерийские (15 дивизий на австрийской, венгерской и германской границе), румынских — 40 [стрелковых] дивизий и 3 кавалерийских (10 [стрелковых] дивизий и 1,5 кавалерийских на болгарской и венгерской границе).

Подводя общие итоги тем вооруженным силам, которые Красная Армия может встретить на полях западного (европейского) театра войны до встречи с армиями великих держав, мы констатируем как вполне реальную, не преувеличенную возможность коалиции наших противников иметь армию общей численностью около 5 мил. человек, организованных в 195–200 пехотных дивизий и соответствующего количества прочих частей. За вычетом сил, отвлекаемых на поддержание порядка внутри страны и охрану угрожаемых внешних границ, коалиция сможет направить против нас 158–160 пехотных

дивизий, около 15 кавал[ерийских], имея на вооружении 67–68 тыс. пулеметов, около 7 т. легких и 1 000 тяжелых орудий, больше 1 000 танков и 2 000 самолетов. Численность в этом случае боевого состава коалиционной армии будет 850–900 тыс. бойцов.

В целях установить, какие формы ведения войны определяются этой численностью вооруженных сил и их структурой, сопоставим среднюю плотность фронтов с опытом мировой войны 1914–18 г., оговорив, что для отдельных участков колебания от этой средней [величины] и будут, собственно говоря, характеризовать и обуславливать формы ведения операций и боев.

Средняя плотность фронтов
(на 1 клм. фронта приходилось)

Таблица № 6

Фронт	Стр[елков ых] див[изий]	Пулем[ет ов]	Легк[и х] оруд[и й]	Тяжел[ых] оруд[и й]	Танк ов	Самол етов	Примечание
Зап [адная] Европа — 1914 г. Антанта	0,2	3 1/2	15 1/2	0,07	0	0,5	Т.е. на 1 див[изию] в 14–18
– ‘– Германия	0,2	6 1/2	ок. 15	1,0	0	ок. 0,75	гг. в средн[ем] было
– ‘– в начале 1918 г. Антанта	ок. 0,2	78	14	ок. 10	1	ок. 5	5 клм., а у нас соответств[ен но]:
– ‘– Германия	ок. 0,2	75	15	9	0	ок. 6	
Карель[ско]- Мурман[ский]	0,006	2	0,3	0,01	0	0,1	150 клм. на див[изию]
Эстоно- Финск[ий]	0,09	29	2,3	0,15	ок. 1,5	1	12 клм. на див[изию]
Северо- Западн[ый]	0,06/0,1	25/43,3	2,25/3, 9	0,3/ 0,7	0,4 / 1	0,6 /1,5	16–17 клм. на див[изию]/10 ккм. на див[изию]
Румыно- Польск[ий]	0,12/0,1	56,7/42,9	ок. 6/ ок.5	0,75/ 0,4	1,2/ 0,4	ок. 2/ 0,8	8 клм. на див[изию]/11 ккм. на див[изию]

Сопоставляя вероятную среднюю плотность фронтов, данную в таблице, можно заранее утверждать, что ни на одном из них (кроме Румыно-Польского) нет предпосылок к такому массированию огневых средств и живой силы, какие мы наблюдали в 1914–18 гг. на французском театре войны.

Чтобы получить достаточной плотности массы и достаточной мощности, для преодоления нашего сопротивления, артиллерийские группировки, нашим противникам придется почти оголять огромные участки на фронтах и искать решений в немногих, очень немногих направлениях и на небольшую глубину. Сила обороны противника также будет невысокой. Некоторым исключением и относительно к остальным нашим фронтам — очень значительным исключением — является фронт румыно-польский, на котором возможны группировки сил и средств по мощности пехотного огня (элемент больше обороны, чем наступления), близкие к образцам 1918 г., а по артиллерийскому огню дающие примерно половину (или, точнее, одну треть) той мощности, что осуществлялась во время наступления французов или германцев весной и летом в том же году.

Если рассмотреть каждый фронт в отдельности, то на Карело-Мурманском фронте противник может действовать несколькими более или менее самостоятельными отрядами

или организовать завесу из небольших подвижных и легких отрядов, ведя только «сдерживающие действия» (по польской терминологии), т. е., попросту, ведя малую войну.

Эстоно-Финский фронт дает по условиям местности возможность организации оборонительных боев на фронте в значительной мере позиционно. Для активного наступления здесь мало тяжелой артиллерии. Однако, сосредоточив большую часть сил на перешейке между Ладожским озером и Финским заливом (80 клм.) и между заливом и Нарвой (около 50 клм.), оставив на остальных участках только пограничную охрану, шуцкоров и авианаблюдение, противник может организовать наступление, рассчитывая на неглубокую операцию на Ленинград.

Северо-Западный и, особенно, Польско-Румынский фронты могут быть превращены противником в участки активных против нас операций, но они в такой же мере могут быть обращены и в позиционные, сильно обороняемые фронты для удержания позиций, на которых противник имеет вполне достаточное насыщение пулеметами, хорошую плотность живой силы и сравнительно высокую концентрацию артиллерии.

Здесь вероятно ведение войны в тех, примерно, фронтах, в каких она шла на русско-германском и австрийском фронте в 1914–15 гг., до образования позиционного фронта, с той лишь разницей, что вместо глубоких «дальнобойных» операций, со смелыми замыслами уничтожения, окружения, разгрома армий противников (немцы по адресу русской армии, последняя — по адресу австрийской), в будущей войне наши противники здесь будут вообще преследовать более ограниченные, узкие цели, будут стремиться «оттеснить», вытолкнуть, сдерживать. Оттеснить к Днепру, не пустить за реку Прут и Збруч, задержать на линии р.р. Неман и Свислочь, и т. п.

в) Некоторые материальные факторы, определ[яющие] характер предстоящих боевых действий.

Характер боевых действий, знание которого в отношении предстоящей войны дает важнейшее основание для надлежащей к ней подготовки, определяется не только степенью возможного насыщения полей войны живой силой и техническими средствами и качественными характеристиками того и другого, но, пожалуй, не в меньшей мере 1) тем количеством огнеприпасов, которым обеспечиваются боевые действия войны, т. к. от этих количеств зависят а) напряженность боевых действий, б) продолжительность их в одной операции и в) длительность активных боевых сезонов; 2) подвижностью (мобильностью) войск на театре войны, поле боя и сражения и 3) независимостью боевой деятельности войск от дальности отрыва их от своих фронтовых баз снабжения (конечно-выгрузочных станций ж. дорог).

Количество огнеприпасов, в которых будут нуждаться действующие армии наших противников, исчислено мною по следующему методу (только снаряды, как наиболее сложный вопрос, огнеприпасы к пехотному оружию не исчисляю).

Во время мировой войны на западном (французском) фронте расход огнеприпасов в среднем выражался на одну легкую пушку в год в 12 000 снарядов; сбрасывая из этого количества 10 % на расход в период относительного затишья и оставляя, таким образом, 10 800 снарядов на боевой период года, в среднем продолжавшийся 70–75 дней в году, мы получим суточный расход в боевые дни в среднем по 144–150 снарядов на легкое орудие, считая все легкие пушки армии, но фактически в боях участвовало одновременно не более 2/3 их, т. е. фактически участвующие орудия расходовали не 150, а 200 снарядов в среднем в день боя. Суточный расход на гаубицу можно брать на 25 % меньше, т. е. 120–150 выстрелов, для тяжелых же орудий – в половину [меньше], т. е. 100 пушечных и 75–80 мортирных выстрелов. Такие соотношения выявились в войну 1914–18 гг. и преувеличенными для тяж[елой] артиллерии не будут. Однако для будущих боев эта норма требует некоторых изменений. Под влиянием снижения средней плотности насыщения театра войны огневыми средствами пехоты и ее живой силой, отсутствия долговременных позиций и уменьшения плотности артиллерии, мы будем иметь больше участков главных ударов, но при суммарно меньшем расходе огнеприпасов артиллерией,

хотя в то же время из-за меньшего числа орудий от каждого из них потребуются большая работа.

Рост количества автоматического оружия в пехоте при меньшей плотности его на местности также потребует иногда несколько большего расхода боеприпасов артиллерией, т. к. ей становится трудней выполнять свои задачи по уничтожению пулеметов. Поэтому надо учитывать, что первые 2–3 дня каждой операции потребуют, по крайней мере, полуторного расхода огнеприпасов на орудие и только последующие 5–7 дней – нормального, а иногда даже и ниже нормы. Таким образом, считая, что а) каждая дивизия может перебивать в 1/2 организуемых операций (30–35 дней активных боев в году, что, кстати, вполне совпадает с расчетами на конкретном опыте Германии и наших I армии и Ю[го]-3[ападного] фронта в 1914 г.), б) что операции будут средней продолжительностью 5–10 дней (Триандафиллов из-за гипноза обоза считает 5–6 дней) и в) что легкой артиллерии резерва Гл[авного] Ком[андования] у противника нет, мы установили необходимость для противника на каждое легкое орудие (пушку), участвующее в 4-х–5-ти операциях в год, иметь на 12–15 дней по 300 снарядов и на остальные 18–20 дней по 200, или всего на боевой годовой период (беря высшие цифры) 5 500 легких снарядов, а на весь год около 6 000 снарядов (округляя). Это даст возможность дивизии, имеющей, как у большинства наших соседей, 36 легких орудий, развивая наступление, в течение первых дней расходовать до 7 200 пушечных и 2 400 гаубичных снарядов в день на дивизию, что весьма близко совпадает с расчетами уставов наших соседей и нашего Б[оевого] У[става] Арт[иллерии] (7–8 т. разных легких снарядов), а также с расчетами Триандафиллова о потребном количестве снарядов в день боя дивизии против обороняющегося противника (9 000 различных снарядов).

Но если эти цифры (6 000 снарядов в год на легкую пушку) не вызывают сомнений в отношении среднего года войны, то начальный период в силу политических условий, остроты оперативной обстановки и т. п. может потребовать более высокого использования войск, большей их эксплуатации, удлиняя тем самым период активных боевых действий до 100–125 дней и вовлекая до 75–90 % дивизий (1914 г. от начала войны и до середины 1915 г. на Зап[адном] фронте дал значительно более высокие показатели эксплуатации войск, чем последующие годы). Тогда как общая сумма расхода огнеприпасов, так и средняя доля расходов на одно легкое орудие возрастет и, поднявшись на 75 %, достигнет 10 000 (что соответственно для легких гаубиц составит 7 500, тяж[елых] пушек — 5 000 и тяж[елых] гаубиц — 4 000 снарядов).

Исходя из этих норм, потребность для первого года войны в снарядах выразится:

Для Финляндии в 2 540 т. лег[ких] пуш[ек], 952 т. л[егких] гауб[иц], 300 т. тяж[елых] п[ушек], 320 т. т[яжелых] г[аубиц]

Швеции	1 500	—"	515	—"	250	—"	200
—"							
Эстонии	1 350	—"	412	—"	50	—"	120
—"							
Латвии	1 800	—"	675	—"	100	—"	80
—"							
Литвы	1 000	—"	375	—"	50	—"	20
—"							
Польши	20 000	—"	7 500	—"	875	—"	1 100
—"							
Румынии	18 000	—"	6 750	—"	500	—"	400
—"							
Чехо-Словак[ии]	13 000	—"	6 750	—"	1 000	—"	800
—"							

Всего 59 190 тыс. —" 23 929 тыс. —" 3 125 тыс. —" 3 040 тыс. —"

Потребности в снарядах первого года войны покрываются а) запасами мирного времени и б) производством во время войны. Эстония, Латвия и Литва не имеют внутреннего производства снарядов в мирное время. Во время войны только Латвия и Эстония могут частично организовать это производство (снарядные корпуса) из привозного металла, с тем, однако, чтобы сборка и снаряжение снарядов производились из деталей, изготавливаемых в большей части за границей (детонаторные трубки, дистанционные трубки, медные пластинки и ведущие пояски, взрывчатые вещества). Но и такое производство может быть ими организовано, однако в далеко недостаточном для покрытия всей потребности масштабе. Поэтому Эстония, Латвия и Литва в основном будут покрывать свои потребности заказами за рубежом. Запасы мирного времени, как в виде остатков мировой войны, так и закупок после нее, у этих сторон невелики (Эстония около 300 тыс. пушечн[ых] и гаубичн[ых] снарядов, Латвия около 500 тыс. и Литва около 200 тыс.). Следует подчеркнуть еще и то обстоятельство, что основная масса их артиллерии – русского образца, а это будет еще больше осложнять снабжение этих стран со стороны великих держав и особенно в начале войны. В ходе войны возможно перевооружение при содействии Антанты, и тогда положение с артснарядами для лимитрофов улучшается. Швеция, как и Чехо-Словакия, благодаря хорошо развитой промышленности без больших затруднений справится с удовлетворением своих потребностей в артснарядах. Румыния, не имея (sic!) специальной военной промышленности и опираясь (sic!) на слабо развитую общую металлургическую и металлическую промышленность, способную дать не более 1 мил. штук снарядов легкой артиллерии и 100–150 тыс. тяжелой в год, а потому также будет вынуждена базироваться на закупки за границей. С мирного времени имеются прочные связи с заводами Шкода, где закупается ежегодно до 50 тыс. штук разных снарядов. Запасы мирного времени достигают 5 мил. различных снарядов (много из них разных русских), что обеспечивает только первые месяцы войны. Польша, нуждаясь в огромных количествах снарядов, обеспечивает своим производством только часть их, хотя и весьма значительную.

Имея относительно богатую металлургическую промышленность (до 1 мил. тонн чугуна, 2 м. тонн стали, 40 т. тонн спец[иальных] сталей в год), Польша нуждается остро в марганце, в меди и, частично, в цинке и свинце, хотя в мирное время добыча этих металлов достигает по цинку 160 т. тонн и по свинцу 30 т. тонн. Однако для Польши решительным определяющим фактором является отставание мощности металлообрабатывающих заводов, которые, давая в мирное время до 920 т. тонн проката чугуна и стали, не дают возможности удовлетворить нужды в снарядах без резкого сжатия их основного производства: рельс, балок, сортового железа, проката, спец[иальных] сталей, цельнотянутых труб, вагонных колес и т. п. (а это составляет около 83 % всей металлообрабатывающей промышленности). Поэтому достигнуть изготовления большего количества снарядов разных калибров больше чем 15 млн. штук Польша пока не может (десятикратное увеличение по сравнению с объемом производства снарядов в мирное время на ее 5 снарядных военных заводах). При этом полная производительность промышленности по снарядам с уровня в 1 500 тыс. штук в мирное время возрастает в полной мере лишь во 2-м полугодии первого года войны и будет осуществима при крупных закупках за рубежом дефицитного сырья (марганец, медь). Запасы снарядов мирного времени у Польши довольно значительны и составят к лету [19]30 года около 7,5–8 млн. штук, т. е. обеспечивают потребности армии по приведенным выше нормам приблизительно на 3,5–4 м[еся]ца и по «голодным» польским уставным нормам – на 4,5–5 м[еся]цев (в зависимости, при этом, от характера боев). Таким образом, если сопоставить запасы и размер возможного производства снарядов Польши во время войны с ее потребностью в них, то уже в первом полугодии образуется дефицит, который к концу 1-го года составит около 9–10 млн. штук снарядов различных калибров. Очевидно, что Польше придется ввозить снаряды из заграницы и в значительном количестве.

Подводя итог снарядному показателю для армий наших противников, характеризующему боевые действия в предстоящей войне, можно установить, что к пониженным средним нормам насыщения фронта артиллерией присоединяются еще и пониженные возможности расхода огнеприпасов артиллерии, недостаточные запасы которых или заставляют снизить активность (глубину и множественность ударов), придерживаясь, к тому же, все же низким норм, или, расходуя снаряды в высоких нормах, снизить общее число боевых дней, заполненных наступлением, за счет роста оборонительных действий и пассивных затиший, коль скоро мы их допустим; добиться пассивных дней затиший противники, возможно, будут стараться путем образования на отдельных широких участках фронтов укрепленных районов (позиционного фронта). Другой показатель, характеризующий боевые действия войск противника, — мобильность. Способность к быстрому развитию боя, к быстрой по ходу, глубокой по дальности и широко маневренной операции, к сменным и внезапным перегруппировкам сил и средств — словом, все то, что отличает войны по их формам (правда, только в одной части, хотя и важнейшей, характеристики формы войны, т. к. определение форм войны в целом зависит от ряда и иных многообразных свойств и причин).

Подвижность в бою определяется как материальными, так и в не меньшей степени политическими условиями.

Социальный состав армии, наличие классовой борьбы, вытекающей из разнородности классового состава вооруженных сил наших противников, усложняет ведение современного боя, требующего высокой культуры, сознательности, развитости и высокого морального состояния бойцов, способных вести разумный индивидуальный бой, внося в его развитие большую напористость, высокие темпы активности, самостоятельность и полную готовность к преодолению многочисленных опасностей и трудностей.

Групповая тактика, созданная как, в известной мере, противодействием (sic!) ускользанию бойцов из-под палки капрала-надсмотрщика, поставленного буржуазией над своим пушечным мясом, превращает современного бойца в армиях капиталистов в автомата, в животное-машину, которую заставляют без размышлений действовать в составе группы, выполняя простейшие вещи. Думает за него унтер или офицер, стоящий во главе группы. Но если это годилось в 1914–18 гг., то для современного боя это — отсталость. Нужен индивидуальный боец, а не бездушный манекен, т. к. иначе получится то же несоответствие, какое имеет место на более низкой технической базе и в более простых социально-политических условиях во время войны Англии с Америкой, когда последняя боролась за освобождение.

Эта отсталость — следствие органического порока капиталистических массовых армий — дает основание утверждать, что большей подвижности в бою, чем наблюдалось в последнюю империалистическую войну под влиянием указанного противоречия, у наших противников мы не получим; учет же наблюдаемого нами роста общей и классовой сознательности масс дает основание ожидать скорее противоположное.

Другие материальные свойства и факторы, определяющие подвижность в бою, — это вес снаряжения бойцов, обеспеченность пехоты средствами подавления огня противника и натренированность для быстрых передвижений.

Оружие и снаряжение пехоты наших противников принадлежат к числу наиболее тяжелых по весу (это крупные по калибрам винтовки — 7 и 8 мил[лиметров], такие же пулеметы, тяжелые винтпатроны). Общий вес снаряжения польского пехотинца — 30 кг. В армиях других противников он отличается незначительно. Из 30 кг. общего веса снаряжения винтовка и патроны весят больше 8 кг.

Пулеметы, в зависимости от новизны системы, весят от 7,5 – [до] 12,5 кг. ручные и легкие и от 13,6 – [до] 33 кг. — станковые.

Так как в весе оружия и снаряжения бойца не произошло со времени империалистической войны значительного улучшения, то и здесь нет предпосылок к поднятию подвижности войск на поле боя.

Не лучше обстоит дело в армиях наших соседей и со средствами подавления огня пехоты противника. Имея большое количество пулеметов, возросшее даже по сравнению с пропорциями их к численности пехоты по опыту мировой войны, наши противники этим усилили, главным образом, свою обороноспособность. Однако такие средства подавления, как танки, батальонная и полковая артиллерия, скорострельная легкая артиллерия, развиты в их армиях в непропорционально меньшей степени. Поэтому если по пулеметному огню и есть некоторая предпосылка для относительно более успешной борьбы с нашей живой силой, чем имела бы у старой русской армии или даже у германской армии в 1918 г., то, беря пехотный бой в целом, значащих предпосылок к большой подвижности в бою — нет. Подвижность в операции зависит, как и в бою, кроме всего отмеченного выше, от быстроты оборота в подающих огнеприпасы и продукты питания звеньях войскового тыла. Если армейский тыл в основном базируется на ж. д. транспорте и армейская операция тем самым по своему темпу развития и глубине будет зависеть от объема накопленных запасов и темпа пополнения их (пропускная способность ж. д.), то бой, оперативный маневр группы дивизий и также армейская операция, с другой стороны, будут в своем темпе и дальнобойности регулироваться в более жесткой мере транспортными ресурсами безрельсовых средств, быстротой их оборота, возможной мощностью организуемых ими грузопотоков, быстротой подачи грузов и возможной дальностью эффективного подвоза.

Питать бой всем необходимым может только достаточно грузоподъемный транспорт. Если его мало для переброски всех необходимых грузов на необходимое расстояние, то требуется или сжать гармонику подвоза (уменьшить дальнобойность операции), или сократить количество перевозимых грузов (изменить тем самым активность и темп операции, т. е. изменить ее качество). Изменение соотношений расхода и подачи как грузов, так и пополнений живой силой и организованных соединений-резервов приводит к кризису наступления: к переходу к обороне или к отходу.

Армии наших противников в большинстве своем имеют обозы конной тяги. Это означает, что быстрота оборота единицы транспортных средств равна в сутки 35–40 кил[ометров]. И дальность удаления пех[отной] дивизии от «станций снабжения» (по польской терминологии) будет определяться количеством транспортных средств, возможных к эшелонированию. Согласно польским нормам подвоза (продовольствие на пех[отную] дивизию 10–12 вагонов, боевые припасы — 12 вагонов, при 120 снарядах на легкую пушку и 80 на легкую гаубицу, 80 на тяжелую пушку и 48 на тяжелую гаубицу, — нормы, называемые «днем огня» и явно минимальные), пехотная дивизия может, имея в 8 обозных колоннах дивизии 560 повозок и в обозах частей еще около 1 000 повозок, удаляться от станций снабжения на 45–50 клм. При большем удалении подвоз осуществляется включением армейского звена подвоза, с помощью которого ближе к войскам организуются «пункты снабжения». Армейское звено подвоза, очевидно, будет базироваться как на конные транспорта, так и на автоколонны; из имеющихся в мобзапасах в польской армии 3 000 грузов[ых] автомобилей и из имеющихся в стране (к 1/1-29 г.) 5 000 грузовых машин, если считать, что все они полностью обращены на снабжение армии, можно организовать около 400 автоколонн по 20 автомашин в автоколонне (польские штаты). Такая колонна подымает одну суточную дачу продовольствия на дивизию, а для поднятия «дня огня» на дивизию требуется не менее 2-х автоколонн на дивизию.

Для ударных группировок дивизиям, усиленным к тому же резервной артиллерией и потребляющим, согласно нашим расчетам, большее количество огнеприпасов, чем предусмотрено польской нормой, потребуется в сутки грузов, подымаемых не менее чем 4 1/2–5 грузовыми автоколоннами. Такое количество автоколонн даст возможность дивизии уйти от своих «станций снабжения» еще на 50 клм. (суточный пробег автоколонн — 100

ккм.). Таким образом, с помощью армейского звена глубина продвижения польских дивизий определяется работой тыла на 100 ккм. при не сниженных подвижных запасах дивизии (вернее, пополняемых к исходу суток с начала расходования их). Всякое дальнейшее увеличение глубины операции потребует или жить за счет запасов, возимых в дивизии (их для огнеприпасов — 6 дней огня, для продовольствия — 6 неравноценных суточных дач), или увеличивать количество армейских транспортных средств (автоколонны, конные транспорта), при этом увеличение числа колонн возрастает в большей прогрессии, чем число переходов, на которые отрывается дивизия от станции снабжения, и приводит к тому, что удаление больше чем на 150 ккм., т. е. на 6–7 переходов, будет уже чрезвычайно затруднено из-за бедности автотранспорта.

Таким образом, для наших противников и здесь новых, каких-либо более широких возможностей, чем было у большинства европейских армий в 1914 г., нет. Надо добавить, что союзники Польши — Румыния имела на 1/1-29 г. 3 800 грузовых автомобилей и Финляндия — 8 800. Последняя обеспечена, таким образом, лучше Польши, а первая гораздо хуже. Латвия, Литва и Эстония обеспечены так же, как Польша. Чехо-Словакия — лучше Польши, но не настолько, чтобы автотранспорт имел бы возможность в полной мере проявить свои качества могучего раскрепощающего средства, дающего качественно новую операцию.

г) Выводы.

Обобщая рассмотренный вопрос о силах, какие Красная Армия встретит на западном (европейском) театре войны, и характере форм борьбы на этом театре, можно в общих и грубых чертах считать установленным:

1. Плотность насыщения живой силой, техническими средствами и плотность огня на отдельных участках театра войны будет значительно колебаться от общей средней [плотности] для всего театра и его отдельных фронтов. Эта средняя плотность, как и плотность отдельных активных (ударных) участков, будет ниже плотности, образцы которой дает 1918 г. на французском театре, и будет во всех отношениях, кроме пулеметного огня, очень близка к операциям 1914–17 гг. на русско-германском фронте. Плотность пулеметного огня будет выше, чем она была в начале войны на русском фронте.

2. Война будет носить, в общем, маневренный характер, хотя на отдельных (и довольно значительных) участках фронтов западного театра войны мы встретим позиционные условия, с одной стороны, и с другой — условия так называемой малой войны. Материальные ресурсы и ресурсы живой силы, которыми располагают наши противники при условии технической помощи извне в размерах около 3/5 годовой потребности фронта, дают возможность вести тягучую, затяжную войну «на измор» в течение длительного срока; для широкой маневренной войны этих же средств хватит на 2 1/2–3 [года], причем лимитом во всех отношениях будет живая сила, как в отношении ее качества, так и количества.

3. Маневренные операции не будут вестись одновременно на многих направлениях, и в них противники будут преследовать чаще всего ограниченные по глубине цели, т. к. в противном случае расходование сил и средств будет идти в большем размере, чем пополнение их, а это означает резкое ослабление наступающего и катастрофическую опасность для него контратак и встречного контрнаступления.

4. Наступление противника имеет тенденции к медленному и затяжному развитию боев, неглубокому развитию успехов.

5. В обороне противники сильнее, чем в наступлении.

Необходимо оговорить, что политическая обстановка, разбором которой мы не занимались, внесет еще более снижающие показатели во все выводы, сделанные выше, и может легко перевернуть последний вывод, т. к. с морально «ненадежными» частями наступление объективно легче обороны.

Б. Наши потреб[ности] и методы решения пробл[емы] борьбы на зап[адном] театре за достижен[ие] основн[ых] полит[ических] целей войны.

а) Политич[еские] и стратегич[еские] задачи.

Коалиционная армия, с которой на полях западного театра войны встретится Красная Армия, является из себя весьма пестрый конгломерат, в котором удельный вес различных участников борьбы и влияние их на судьбы войны имеют резкое различие. Ведущими силами, до подхода в качестве непосредственных участников армий великих держав, являются армии Румынии, Польши и Чехословакии.

Вся группа лимитрофов вместе со Швецией имеет второстепенное значение.

Однако, отвлекая на огромном фронте на свои незначительные армии наши силы, они действительно являются крупной, стратегической, сковывающей группой. Неспособные из-за слабости сил нанести нам сокрушающие поражения, они могут играть роль Врангеля во время нашей войны с белополяками в 1920 г. и мешать нашей активности. Кроме того, их территории могут оказаться удобным плацдармом для развертывания экспедиционных корпусов великих держав.

Все это заставляет нас стремиться к немедленному выводу из войны этих противников. Будет гораздо хуже, если они в начале войны объявят себя нейтральными. В этом случае надо вспомнить о Бельгии и, в зависимости от конкретной политической обстановки, либо в начале, либо в ходе войны произвести над ними ту же операцию.

Эстония, Литва и Латвия должны быть быстро разбиты и советизированы. Финляндия и Швеция сразу же должны получить такой удар, чтобы на этом участке можно было бы в дальнейшем на время ограничиться только сдерживающими действиями, наблюдением, позиционной войной и работой разрушения политической устойчивости тыла противника. Раскалывание «сковывающей группировки» (группы 5 северных участников) развяжет нам руки на остальных фронтах.

Из этих фронтов Румыно-Польский имеет большее значение, чем Северо-Западный. На Румыно-Польском при любой группировке мы имеем наиболее уязвимое место коалиционных армий — их стык. Кроме того, здесь самый сложный клубок политических противоречий и именно здесь наиболее вероятно ожидать наибольшей активности противника с первых же дней войны.

Кроме того, успехи наши на Северо-Западном фронте только отталкивают противника (польскую армию) в глубь его территории, если румыно-польский фланг не успеет к этому времени выйти из-за Полесья в тыл и фланг уходящим к Варшаве частям.

Поэтому считаю, что одновременно с ударом по «сковывающей» группировке держав в начале же войны нам надо направить такой же сильный сокрушающий удар и на участке от Полесья до Днестра.

На польском участке фронта к северу от Полесья в это время можно отказаться от наступления в широких рамках, ведя лишь местные бои и подготавливая условия к переходу в глубокое наступление тогда, когда ликвидация эстонско-литовско-латвийского участка фронта будет завершена и наш выход в район Ковно—Вильно даст глубокий обход всего польского фронта, находящегося севернее Полесья, а на польском участке к югу от Полесья мы будем приближаться к районам Владавы, Грубешова и Львова. Румынский фронт в начале войны мы вынуждены сделать пассивным, удерживая линию реки Днестра для того, чтобы подготовить форсирование реки. К моменту выхода наших частей на линию Западного Буга надо оттолкнуть фронт, с целью обеспечения всего левого стратегического фланга, к линии реки Прут и устью Дуная, а если время и обстановка позволят, то и на линию Львов, Коломыя, р. Серет. Дальнейшее развитие наступления на данном участке фронта будет возможным тогда, когда выход на Вислу всех наших сил, давая сокращение почти наполовину протяжения Северо-Западного фронта и польского участка Румыно-Польского фронта, освободит тем самым наши значительные силы для глубокого удара на Балканы.

Таким образом, на том отрезке войны, пока против нас будут действовать армии только наших непосредственных соседей (1-я кампания), нам выгодно, чтобы события развивались в следующей последовательности по целям:

А) Создание предпосылок для разгрома основных сил коалиции:

- а) Разгром сковывающей группировки с целью советизации Эстонии, Латвии и Литвы.
- б) Удар по шведо-финским силам для захвата наиболее удобно-обороняемых районов и подготовка этим ударом материальной и моральной обстановки для нашей активной политической пропагандистской работы; блокада Финляндии и борьба с флотом коалиции.
- в) Наступление на польском участке румыно-польского фронта с задачей расколоть польско-румынский фронт и отбросить, причинив тяжелый урон, польские и чехословацкие армии к линии Буга, а румынские за Днестр. В это же время энергичная пропагандистская работа в тылу противника; отдельные восстания в Галиции и Зап[адной] Белоруссии.
- г) Сковывание противника на участке Полесье–Двинск.
- д) Сдерживание румынской армии на линии Днестра, причиняя ей короткими ударами с целью захвата плацдармов на правом берегу Днестра тяжелые потери и отвлекая ее силы на борьбу с повстанческим движением в Бессарабии, Трансильвании, Силистрии и Банате. (Предложить, например, Болгарии оккупировать Силистрию.)

Б) Борьба с основными силами коалиционных армий: (1-ый этап — разгром Польши и вторжение в Чехословакию):

- а) Концентрический удар за Вислу наших сил северо-западного фронта и чешско-польского фронтов с задачей полного разгрома польской армии и советизации Польши.
- б) Короткий удар по румынской армии и оттеснение ее за р.р. Прут и Серет, с развитием его, если позволяет обстановка, вверх по Дунаю.
- в) Продолжение борьбы на финском участке в прежнем виде только сдерживающих действий и коротких, местного значения ударов; расширение партизанских действий на севере.

В) Разгром Румынии и подготовка к борьбе с армиями великих держав:

- а) Переход к позиционной войне на всем западном фронте — от Германской границы (или от Данцига по Висле до Торна) к югу до Карпат и вдоль последних (по Венгерской границе до стыка с румынским фронтом).
- б) Решительное наступление на румынском и финском фронтах с целью советизации Финляндии и Румынии (в крайнем случае, с целью вынудить Румынию к сепаратному миру).
- в) Переход к обороне на всех фронтах и подготовка 2-й кампании.

Вступление великих держав в войну вероятнее ожидать не ранее чем через 8–10 м[еся]цев после начала войны, т. к. империалисты, только полностью осуществив свою мобилизацию армии и промышленности, могут выставить такие силы, с которыми мы вынуждены будем считаться; выступление ранее этого срока не дает решительного качественного и количественного перевеса нашим противникам и не должно влиять ни в малейшей мере на наши планы развития событий войны.

Таким образом, задача 1-й кампании заключается в том, чтобы были ликвидированы главные силы армий наших непосредственных соседей и борьба с ними была доведена до конца (до осуществления в большинстве из них — в 6 из 8 стран — задач, возложенных на нас революцией).

2-я кампания — подготовка наших сил к решительному удару по империалистам, подготовка развития и победы революции в Европе.

Последовательные задачи этой 2-й кампании:

- а) укрепление диктатуры пролетариата на территориях новых советских республик;
- б) революционно-пропагандистская деятельность в рядах армий великих держав и их тылу;

в) упорная оборона с помощью в значительной мере непрерывного позиционного фронта на рубежах, достигнутых к концу 1-й кампании (от Балтийского моря до Карпат, по Карпатам до Дуная и далее по Дунаю — всего около 2 500 км., из которых около 700 км. — западный фронт — идут по труднее обороняемым, открытым и доступным местам Западной польской границы (с Германией), а остальные 1 300 — это Карпаты, Трансильванские Альпы и Дунай, т. е. удобные для обороны рубежи).

Ведя в течение 2-й кампании оборонительную позиционную войну, прикрывая с помощью позиционного фронта огромные хозяйственные территории, мы получаем возможность за это время накопить средства, увеличить армию (мобилизовать промышленность и живую силу на новых территориях, развернуть на них энергичное советское хозяйственное строительство, восстановить многие из разрушенных противником производств), т. е. подготовиться политически и материально для следующего этапа — к 3-й и, вероятно, 4-й и 5-й кампаниям, во время которого нашей задачей явится решительный разгром армий великих держав.

Если война начнется весной (апрель—май), то 1-я кампания должна быть закончена к декабрю, т. е. в течение 7–8 м[еся]цев, после которых зимний период и весенняя распутица помогут нам выдержать намеченное содержание 2-й кампании. Продолжительность ее будет в этом случае 4–5 м[еся]цев. Для 3-й кампании мы будем иметь все второе лето и осень; зима второго года будет 4-й и лето третьего года — 5-й кампаниями.

Если война начнется осенью (август—октябрь), то 1-я кампания захватит весь остаток календарного года и протянется до середины или конца лета будущего года, т. е. в течение 8–10 м[еся]цев, и во время 2-й кампании (первое полугодие 2-го года войны) потребуются от нас при организации позиционного фронта вначале большие усилия, чем в первом случае. 3-я и 4-я кампании займут конец 2-го и часть третьего года войны, а 5-я кампания — остающуюся часть 3-го года войны.

Выгоды, получаемые нами первоначально от начала войны осенью и заключающиеся в том, что мы можем расчленить 1-ю кампанию на 2 этапа, используя зимние климатические трудности для некоторой передышки, покрываются большими трудностями 2-го года войны и невыгодностями для нас от получения передышки также и противником.

Война весной нам трудна вначале, но зато она дает много выгод для 2-й и 3-й кампаний. Все усилия наши должны поэтому направляться во всех случаях на оттяжку развития конфликтов до весны, хотя противники из-за большей для них выгоды будут, несомненно, стремиться к обратному.

б) Расчет наших сил.

Что же нам надо иметь, чтобы в течение 7–8 м[еся]цев 1-й кампании разрешить стоящие перед нами задачи и подготовиться к дальнейшим действиям?

Кроме превосходства в политико-моральном состоянии наших частей действующей армии и твердого политического положения в тылу страны — вещей, настолько очевидных для нас, что о них говорить нет необходимости, мы должны обладать также и решительным превосходством в материальных средствах войны. Численное превосходство вооруженных сил, превосходство в числе орудий, пулеметов, самолетов и пр. — словом, абсолютно по всем средствам — это не решение вопроса, хотя это и наиболее простое и примитивное его решение.

Так могут решать вопрос только те из наших военных теоретиков, которые, хотя они того или не хотят, высказывают взгляды, объективно враждебные самому существу советского государства, существу и формам нашего социалистического хозяйства, нашей экономики. Добиваться такого превосходства — пути к глубочайшим политическим и экономическим кризисам, к разрушению экономической базы, к поражению. И чем выше будет наше превосходство по рецепту таких утверждений, тем большей будет гроза нашего поражения, тем меньшими будут шансы на нашу действительную, а не «пиррову» победу.

Мы должны поставить себе задачей так организовать наше хозяйство к войне и так организовать, ориентируясь по нашему хозяйству, войну, чтобы победа была обеспечена наиболее надежно, а хозяйство наименее страдало бы от войны.

Для этого надо отказаться от затеи «обезьяньей стратегии», от затеи быть копирувальщиками всего того, что делают в военном деле наши противники, как попугаи, повторять за ними их доктрины. Нам надо стать на свои пути развития форм войны, операции и боя.

Положив в основу развития армии и ее методов действия на войне определенную идею, надо все вооруженные силы перестроить в соответствии с ней.

Война должна быть дешевой, эффективной, идти в наших темпах, темпах «сверхамериканских», опираться на отрасли народного хозяйства Союза, развитие которых для мирных целей наиболее необходимо еще до войны и будет необходимо и после нее, на такую технику, которая легче и быстрее всего может создаваться нами в количествах, неизмеримо превышающих наших противников. На основах использования такой техники, применительно к ней мы должны организовать армию и организовывать ее боевые действия; у нас должна отсюда быть новая тактика и свое оперативное искусство и своя же стратегия, а не перепевы буржуазного военного искусства.

Индустриализация сельского хозяйства требует от нас мощного развития тракторостроения. Эта отрасль машиностроительной промышленности получает в текущем и в ближайшие годы значительные материальные средства, обеспечивающие ее быстрое развитие. Бурный рост этой отрасли промышленности обеспечивается нашими внутренними потребностями на длительный срок. Это такие предпосылки, которые должны заставить нас обратить свое внимание прежде всего на использование производственных возможностей именно для этой отрасли промышленности для целей создания необходимых нам технических средств борьбы.

Имея к концу пятилетки производственную мощность до 200 тыс. тракторов в год, мы, очевидно, можем иметь это количество в пропорции хотя бы 1 к 10, т. е. без какого-либо напряжения — танки. А 20 тыс. различных танков, введенных в действие в самом же начале войны, — это такое превосходство в средствах подавления пехотного огня противника, это такое превосходство в средствах борьбы с любыми укрепленными участками маневренной войны, которое ни собственными силами, ни помощью империалистов наши соседи быстро устранить не могут. Форсируя в интересах обороны в мирное время тракторостроение как производственную базу наших танковых войск, мы идем не вразрез, а по тому же пути, по которому направляют нас народно-хозяйственные интересы. Расширяя во время войны для питания ее — танкостроение, мы не ослабляем, не нарушаем интересы хозяйства ради интересов войны, не убиваем средства в бесполезную для мирной деятельности отрасль промышленности, а, напротив, создаем еще более широкую базу для индустриализации сельского хозяйства на следующий день после войны. Если эти процессы сравнить с созданием большого, подавляющего количества артиллерии, когда миллионы тонн металла поглощаются и расходуются, расстреливаются в ущерб интересам хозяйства, когда форсирование артиллерийского производства означает деградацию производственного предприятия в отношении ее мирной продукции, то это сравнение едва ли будет в пользу артиллерии.

Необъятные пространства СССР, бедно обеспеченные путями сообщений, требуют в интересах обеспечения принятых нами и обязательных нам бурных темпов хозяйственного развития использования наиболее легко и быстро развиваемых видов транспорта.

Построить безрельсовую (автомобильную или авиационную) магистраль легче, быстрее и дешевле, чем железнодорожную. Интересы хозяйства Союза, таким образом, требуют, чтобы авиа- и автопромышленность развивались в чрезвычайно высоких темпах и чтобы объем их продукции был велик. Такое же развитие входит и в интересы обороны. Вместо крохоборческих, деляческих, беспринципных установок на ничтожно малые размеры

продукции нашей авиапромышленности надо требовать размаха строительства в таком же масштабе, как тракторы и автомобили.

40–50, даже 100 тыс. самолетов в СССР — это плотность более низкая, чем имеющаяся сейчас даже в Италии. А достигнув такого развития гражданского авиатранспорта, мы хотя далеко еще не разрешим вопросов, предъявляемых к нему потребностями нашего хозяйства, однако дадим возможность Красной Армии в начале же войны выступить с подавляющей численностью могучего оружия. Вместо того чтобы нагромождать на фронте для борьбы с артиллерией противника свою тяжелую артиллерию, забивать ею и обслуживающими ее парками и транспортом дороги, вместо того чтобы с ее помощью, стоящей чрезвычайно дорого, давить огонь противника, мы можем, концентрируя и перебрасывая неизмеримо быстрее, чем артиллерию, собирая там, где нам надо по ходу операции, тысячи самолетов, достигать действительного превосходства в бою над противником.

Вместо 90–120 орудий поддержки пехоты и 30–40 орудий контрбатареинной борьбы на дивизию, наступающую в ударной группе, т. е. на 1 1/2–2 клм. по фронту 110–160 орудий (по расчету Триандафиллова), мы получаем возможность иметь в несколько раз более низкую концентрацию ее (а это значит быть более маневренно способными), заменяя артиллерию подавления пехоты — танками и артиллерию контрбатареинной борьбы самолетами.

Чтобы уничтожить батарею противника, по расчетам Грендаля, надо от 300–400 тяжелых бомб (по польским нормам — 400–500 тяжелых снарядов). Это стоит: во-первых, стоимости 1/2 орудия, так как тяжелые орудия считаются износившимися на 100 % после тысячи-полутора тысяч выстрелов, и только орудия из высокосортных сталей мы предполагаем иметь со сроком службы до 3-х тыс. выстрелов; во-вторых, — стоимость выстрелов. Таким образом, уничтожение одной батареи противника или, вернее, принуждение ее прекратить огонь будет стоить: тяжелое орудие

12 500 р.

400 выстрелов

40 000

р.

ИТОГО

62 500

А для уничтожения 2/3 батарей (100 орудий) потребуется расход на фронте наступления дивизии ок. 1,55 млн. рублей.

Используя для тех же целей авиацию, особенно так называемую штурмовую и легких бомбардировщиков, мы, во-первых, имеем возможность получить эффект нашего воздействия быстрее (чтобы выбросить 400 бомб надо часы, а налет самолетов — минуты), более надежно (наблюдение за результатами действия для авиации немедленное и непосредственное) и, посылая самолеты волну за волной, держать под непрерывным воздействием не одну батарею, а всю полосу артпозиций, артиллерийские тылы, коновязы, резервы пехоты и артиллерии и, во-вторых, — воздействие авиации будет много дешевле, т. к. самолет почти не изнашивается за те несколько часов полета, его пулеметный огонь или бомбардировка батареи стоит дешево и даже гибель нескольких самолетов незначительно увеличивает размер расходов, т. к. для этих отрядов они могут быть деревянные, с упрощенными системами моторов. Посылая авиаатаку на батарею противника из расчета 2–3 самолета на орудие или 300–400 самолетов на Триандафилловскую дивизию (дивизия, близкая к французской и «теоретической» германской организации), мы можем на фронте 1 1/2–2 клм. в течение целого дня держать участок под непрерывным воздействием пулеметов и «летающей артиллерии», действующих друг друга сменяющими волнами в 50–70–100 самолетов. Стоимость такой атаки, при которой можно ставить задачу привести к молчанию не только 100 орудий, но

все 160 (или 40 батарей), будет стоить^{*)} 120 т. рублей. Разрывы наших орудий, гибель и наших батарей от артогня противника мы не считали, а поэтому не включаем стоимость сбитых наших самолетов, процент которых, однако, не может быть большой (1–2), т. к. для штурмовиков опасен только случайный ружейный и пулеметный огонь, артиллерия же из-за низкого полета стрелять не может, как не могут противодействовать и неприятельские истребители.

Освободив этим нашу артиллерию от борьбы с артиллерией противника, мы оставляем ее для подавления пехоты и поддержки наших танковых и пехотных атак, а для этого ее потребуется в 2–3 раза меньше, чем это нужно в соответствии с буржуазными военными доктринами (вместо 110–160 орудий на дивизию 50–70 штук). Если на фронте ударной группировки дивизия получит по 80–90 танков, т. е. на 1 клм. 40–60 танков, имея перед собой примерно на фронт наступления (1 1/2–2 клм.) от 12 до 24 пулеметных гнезд станковых пулеметов обороны (1–2 батальона), от 36 до 72 легких и ручных пулеметов и столько же стрелковых отделений, то превосходство пулеметного, артиллерийского и минометного огня танков будет настолько подавляющим, что от полковой и батальонной артиллерии потребуется весьма незначительная, по сравнению с ныне предъявляемыми требованиями, работа.

Вся работа по образованию проходов в искусственных препятствиях, поглощающая не менее 4 500–5 000 снарядов на дивизию при организации только 16 проходов на фронте наступления дивизии, также отпадает, т. к. эти проходы и в два–три раза большем числе проломают сами танки. Артиллерия останется для борьбы с отдельными, не перекрытыми танками огневыми точками противника, для огневого нападения на резервы и на противотанковые орудия противника, а также на его танки.

Положив в основу наших дальнейших расчетов указанные предпосылки, мы можем приступить к подсчету наших потребностей для разрешения оперативных задач, стоящих перед нами в конкретных кампаниях.

За время 1-й кампании нам необходимо разрешить следующие задачи:

а) Разгром сковывающей группировки. Операция, связанная с выполнением задачи, требует: во-первых, нанести удар по Эстонским, Латвийским и Литовским вооруженным силам и уничтожить их; во-вторых, обеспечить этот удар наступлением на Шведо-Финском участке. Всего, по нашим подсчетам, в данном районе театра войны мы будем иметь против себя около 40 дивизий (5 див[изий] эстонских, 7 латвийских, 5 литовских, 10 финских и 12 шведских). Однако группировка их неодинакова по плотности для различных участков этого района театра войны. Имея очень плотную группу на участке между Ладожским озером и Финским заливом (14–15 див[изий] на 80 клм.), к северу от Ладожского озера остаются огромные пространства, слабо прикрытые легкой завесой. Группировка остальных участков — к югу от Финского залива до Двинска — 15–17 дивизий на широком фронте.

Для выполнения задачи надо:

На Карело-Мурманском фронте, сосредоточив подвижные группы численностью в 1–2 стр[елковых] полка, с дивизионом легкой артиллерии и одним-двумя авиаотрядами, а всего 4–5 стр[елковых] дивизий и 1–2 кавалерийских при 100–120 самолетах и 150–200 танках и вездеходных бронемашинах, поставить задачей энергичным вторжением в общих направлениях на Торнео, Улеборг и Вазу отвлечь угрозой перерыва ж. д. связи Финляндии со Швецией часть сил с остальных участков фронта. По мере приближения к Финским железным дорогам, отходящим в этом районе от прибрежной дороги в виде веток к северо-востоку и востоку, можно ожидать растущего сопротивления, появления укрепленных позиций в многочисленных межозерных дефиле, что может потребовать в

^{*)} считая расход боеприпасов и износ самолетов, т. е. 42 т. р. стоимость 1 мил. винтпатрон[ов], 50 т. р. стоимость бомб и износ самолетов, равный при 300 час[ах] общего полета 1-му самолету, или от 30 т. р.

дальнейшем усиления как танками, так и тяжелой артиллерией. Но это задача 2-й половины 1-й кампании.

Для нормальной боевой работы наших отрядов надо будет, учитывая отсутствие железных дорог, усилить их обычные дивизионные транспортные средства армейскими транспортом, причем конный транспорт, как и механизированный, в местных условиях придется в значительной мере перемешивать. Большое значение для некоторых бездорожных участков будут иметь дорожно-мостовые войска (саперы), потребность в которых должна быть для данного фронта рассчитана в увеличенной пропорции (от 2 до 5 рот на стрелк[овую] дивизию или от 1 до 2 рот на стр[елковый] полк). Войска связи — главным образом беспроволочной.

На Финском участке Эстоно-Финского фронта, где мы на данном этапе не ставили себе решительных задач, достаточно иметь примерно равные с противником силы по численности пехоты или даже несколько уступать ему (10–12 стр[елковых] дивизий) при подавляющем количестве танков и самолетов. Считая, что на этом участке фронта нашей задачей будет отбросить противника от непосредственной близости к Ленинграду (к концу операции), для чего необходимо выйти на линию Ионсуу, оз. Сайома, Вильманстран, Фридрихсгамен. Начало наступления с высоты Белоострова, т. е. с участком в 80 клм., при плотности фронта со стороны противника 6–8 клм. на дивизию, требует для успеха нашего наступления достаточной плотности и соответствующих сил подавления и живой силы. Имея 10–12 дивизий и усилив их бронечастями и авиацией, мы такое превосходство можем получить. Для этих целей нам надо на этом участке сосредоточить танки и бронемашин (также и бронепоезда) в количествах: танки — 1 500 (40–50 танков на 30–40 клм. участка главного удара и остальные на 40–50 клм. фронта вспомогательного удара), бронемашин — 1–2 кавал[ерийских] автобронедивизиона, в зависимости от количества сосредотачиваемой конницы (1–2 дивизии), бронепоездов — 1 дивизион.

Авиацию, как средство подавления артиллерии противника, так и для других специальных служб, — в количестве 1 500–1 800 самолетов (что даст возможность действительного подавления в течение всей операции ожидаемых 500 легких и тяжелых орудий и господства в воздухе над 250–300 самолетами противника).

Не меньше половины сосредотачиваемых сил и средств на этом участке после окончания операции, т. е. через 20–25 дней после окончания сосредоточения, — освобождаются и могут быть использованы на других фронтах, т. е. остающейся половины будет достаточно для продолжения сдерживающих операций до 2-й половины 1-й кампании или начала 2-й (когда зима сделает дефиле легко обходимыми по льду), когда станет на очередь вопрос окончательной ликвидации этого участка фронта; примерно тех же половинных сил будет достаточно и для довершения разгрома шведо-финской армии преследованием, если окажется, что уже создалась соответствующая политическая и оперативная обстановка для именно такой эксплуатации победы первой же операции.

В отношении организации тыла для данной группы войск никаких особых мер не потребуются, т. к. войска в большей части могут обслужить себя своими штатными транспортом (дивизионным и корпусным); военно-инженерные средства и средства связи сверх обычных для дивизионной организации также не требуются.

На Эстоно-Латвийском участке фронта мы имеем два самостоятельных района — один к северу от Чудского озера и другой от Пскова до Двины. В первом мы можем встретить не больше 5 дивизий, растянутых на широком фронте, и во 2-м районе до 10 дивизий, прикрывающих относительно еще более широкий фронт. Даже если окажутся верными поступающие в последнее время сведения о взятом Польшей на себя обязательстве подать в этот район часть своих вооруженных сил, мы все же не будем иметь на фронте более 200 клм. свыше 15–18 дивизий.

Наша задача — одной операцией прорваться к берегу Рижского залива и, форсировав реку Зап[адную] Двину, одновременным ударом с востока по левому берегу реки

обеспечить нашим ударным частям возможность в краткий срок выйти на р. Неман, т. е. на фронт Мемель–Ковно–Вильно.

Для осуществления этой задачи необходимо:

а) Группировка, действующая в направлении Нарва–Гапсаль и Нарва–Рига — 10 стр[елковых] дивизий, 1–2 кавал[ерийских], 1 000 танков, 900 самолетов.

б) Группировка на направлении Псков–Рига — 10 стр[елковых] дивизий, 2 кавал[ерийские], 1 500 танков и 1 300 самолетов; группировка на направлении Двинск–Ковно — 5 дивизий, 800 танков и 1 000 самолетов. Во всех группах необходимо иметь мощные бронепоезда.

Нарвская группа в отношении самолетов первоначально может быть составлена в половинном размере, с тем, однако, чтобы освобождающаяся после первого удара по шведо-финнам авиация была бы направлена для действия в направлениях Нарва–Гапсаль и Нарва–Валк, Рига. Ставя задачей [выполнение] кратчайшей по времени операции, следует сосредоточить в данном районе достаточные кавалерийские части и иметь для быстрой переброски войск и грузов достаточные автомобильные транспорта. Наши части должны прокатиться по Эстонии и Латвии с такой быстротой, чтобы Польша не успела ни в какой мере подбросить значительные силы своим союзникам, а эти последние – свернуть и отвести свои части на ее территорию и повредить пути сообщения. Поэтому сильный вначале удар должен на всем Латвийско-Эстонском фронте сокрушить в первые же 2–3 дня сопротивление войск противника и обеспечить нам возможность непрерывного, неотступного стремительного преследования их до полного физического уничтожения или захвата в плен. Для такого преследования, осуществляемого конницей, авиацией, бронемашинами и бронепоездами совместно со стрелк[овыми] частями на автомобилях (авангардные дивизии, а иногда и полки), достаточно 7–10 дней. Таким образом, разгром этой части сковывающей группы и начало форсирования З[ападной] Двины между Ригой и Двинском должно быть осуществлено в 15–16-дневный срок.

К 20–25[-му] дню после начала операции к району Ковно–Вильно должна подойти группировка общей численностью в 18–20 дивизий, имея правее в движении к Мемелю 2–3 дивизии и 2–3 дивизии в качестве войск, оккупирующих занятую территорию. 3 000 танков и столько же самолетов делают ее столь грозной опасностью для открытого левого польского фланга и так надежно обеспечивают наш правый фланг, что освобождают нас от опасений за Северо-Западный фронт, выполняющий до сих пор пассивную задачу обороны на весь тот период, в течение которого Юго-Западный (украинский) фронт будет развивать свое наступление.

Вопрос организации тыла частей, действующих на Эстоно-Латвийском фронте, будет сложен из-за той чрезвычайной стремительности, которая требуется от их действий. В 20–25-дневный срок от некоторых частей потребуется проникнуть на 100–150, а в некоторых направлениях до 250 км. в глубь территории противника. Войсковой тыл первые дни операций должен быть при частях, а затем, когда преследующие части (авангардные дивизии, посаженные на автомобили) оторвутся от главных сил и перейдут на местное питание и огнеприпасы, подаваемые автотранспортом, то войсковые обозы этих частей пойдут совместно с главными силами.

Армейские базы снабжения, оставаясь на той же ж. д. магистрали Псков–Двинск, переместятся к Двинску и от Речицы к Якобштату, откуда они могут выйти и на железные дороги, идущие от этих узлов к Риге, Либаве и Вильно. Освобождающиеся после переброски авангардов к З[ападной] Двине автотранспорта обеспечат работу тыла на время восстановления железных дорог.

Из инженерных войск, помимо обычного в корпусной системе, надо иметь несколько понтонных частей, способных обеспечить не менее 10 понтонных переправ через Зап[адную] Двину и потребных для этой группировки в дальнейшем в ее действиях на Немане, Вилии, Нарове и Бобре.

Таким образом, операция по разгрому сковывающей группировки потребует от нас напряженного развертывания оперативных событий на театре войны от Сев[ерного] Ледовитого океана до Зап[адной] Двины в течение 20–25 дней после окончания стратегического развертывания с вовлечением в боевые действия около 40 стр[елковых] дивизий, 5–7 кав[алерийских] дивизий, 4 500–5 000 танков и 4–4,5 т. самолетов.

По окончании этой операции 1/3 стр[елковых] и 1/2 кав[алерийских] дивизий, значительная часть танков и почти 2/3 самолетов уже может начать переброску к другим участкам войны.

б) Наши сковывающие действия на фронте Зап[адная] Двина–Полесье.

Ставя себе задачей в первой половине первой кампании развить активность на правом фланге нашего стратегического фронта — на участке от Ладожского озера до р. Зап[адная] Двина и на левом его фланге на Польском фронте к югу от Полесья, мы вынуждены на остальных участках временно ограничиться только активной обороной.

Четырехсоткилометровый Северо-Западный фронт по характеру местности дает возможность успешных сдерживающих действий и активной обороны относительно незначительными силами. Имея на своем участке от Двинска до оз. Нарочь активную задачу содействовать разгрому Эстоно-Латвийской группировки, он должен сосредоточить здесь, на фронте около 120 км., — 12–15 стр[елковых] и 3 кав[алерийских] дивизии, чтобы иметь возможность энергичным ударом быстро прорваться в район Вильно. Для осуществления этого прорыва ему потребуется подавить возможные здесь 3–4 литовских и 5–8 польских дивизий, т. е. около 10–12 пех[отных] дивизий противника. Для этой задачи, помимо ударных групп живой силы, понадобятся 2 500–3 000 танков (по 50 танков на 40 километров фронта прорыва) и до 1 500 самолетов, часть которых может взаимодействовать с Двинской группой, наступающей на Ковно.

Для удержания остального участка фронта (280 км.), даже в том случае, если поляки первоначально главный удар будут наносить севернее Полесья (см. стр. 14 настоящего доклада)*, необходимо иметь от 16 до 20 стр[елковых] дивизий, усиленных таким же или полуторным количеством отдельных пулеметных батальонов и располагающих по 5–10 (в среднем) танков на километр для контратак или общим количеством около 1 000 танков и соответствующим количеством броневых автомобилей. Кроме того, для переброски оперативных резервов и быстрой концентрации групп для контрударов необходимо иметь достаточное количество автотранспортных средств (около 12–15 автоколонн по 20 автомашин или 250–300 грузовиков).

Авиация, сведенная на данном фронте в армейские резервные группы, потребуется в количестве до 1 000–1 200 самолетов, что совместно с авиацией, действующей на Виленском направлении, составит группу, находящуюся в распоряжении фронта, общей численностью в 2 500 самолетов, а с подходом наших частей, прорывающихся через Латвию и Эстонию в районе Ковно (т. е. в конце 1-го или в начале 2-го м[еся]ца войны), — до 5 000 самолетов, т. е. больше чем достаточную для отражения самых сильных выступлений на данном фронте.

В отношении специальных вспомогательных средств — никаких дополнительных к имеющимся в обычной корпусной системе до перехода фронта в наступление не потребуется.

Так же точно до перехода в наступление работа тыла может базироваться на обычном транспорте частей.

в) Наступление на Румыно-Польском фронте. В целях подготовки уничтожения основных вооруженных сил коалиции наших соседей нам надо одновременно с ударом по сковывающей группе или при небольшом отставании во времени по отношению к этому удару провести такую систему последовательных операций, которая ставила бы вооруженные силы главнейших противников под наши концентрические удары, т. е.

* См. с. 00 настоящ. изд. (примеч. ред.).

только такими ударами может быть наиболее полно обеспечена узко-военная часть работы по пути к полной победе.

По политическим условиям и по характеру географического размещения важных стратегических направлений наибольший эффект таких операций будет тогда, когда нам удастся силы противника, группирующиеся к югу от Полесья до Днестра, вытолкнуть к реке З[ападный] Буг, чтобы затем одновременными концентрическими наступлениями, направляемыми нами от Ковно, Вильно, Минска и Львова в направлении района Варшавы, Лодзи, Кельцы, Иваногород, — сгрудить, непрерывно угрожая стратегическим окружением, основную массу польских и союзных ей армий и, зажав, таким образом, в тиски на ограниченной площади, здесь добить. Для первого этапа в осуществлении этого замысла надо энергичным наступлением отбросить силы наших противников на польско-румынском фронте, стремясь уже в ходе этой операции нанести противнику тяжелое поражение.

В целях обеспечить отбрасывание к р. Зап[адному] Бугу польско-чешских вооруженных сил надо надежно сковать румынскую армию, а если она вначале не успеет выйти на наш берег, то отбросить за реку Днестр, не допуская как прямого ее наступления с этого рубежа во фланг и тыл наших частей, так и возможностей снятия и переброски части сил на усиление Галицийского участка польского фронта.

Перед собой на фронте Полесье, Днестр — Красная Армия на фронте ок. 400 клм. будет иметь польско-чешскую армию и по Днестру — румынскую. Общая численность армий противников может достигнуть 95–100 дивизий, которые, вероятнее всего, сгруппируются: на Днестре до 40 румынских дивизий (возможно, частично замененных чехо-словацкими), на Галицийском участке и на Волыни до Полесья не менее 40 польских и 15–20 чехословацких. Таким образом, 360–к[и]л[о]м[етровый] фронт Днестра будет насыщен гораздо ниже, чем 400–к[и]л[о]м[етровый] фронт чешско-польского фронта. В отношении насыщения артиллерийскими средствами, перевес чешско-польского фронта по сравнению с румынским будет, вероятно, еще более резким.

Для Красной армии, в целях получить решительный перевес и обеспечить возможность не только встретить наступление главных сил наших противников на этом фронте, которые в погоне за политически эффективными действиями могут предпринять таковые на Киев и Одессу, но и чтобы опрокинуть и решительно гнать перед собой его силы, надо сосредоточить на польско-чешский участок не менее 100 стр[елковых] и 10–12 кав[алерийских] дивизий (т. е. в среднем 4 клм. на стр[елковую] дивизию), а на румынском участке не менее 40 стр[елковых] дивизий и 3 кав[алерийских] дивизии (т. е. в среднем 9–10 клм. на дивизию); броневые части, в частности танки, для польско-чешского фронта потребуются в количестве 8–9 тыс. штук (считая по 50 танков на 100 клм. фронта главного удара, по 10–15 танков на 300 клм. фронта вспомогательных ударов) и для Румынского — 3 600–4 000, т. е. также на 10–15 танков на клм. фронта.

Потребность в самолетах вытекает из необходимости подавить огонь более чем 500 орудий, могущих быть выставленными противниками, и поэтому составит количество порядка 15—17 тысяч штук.

Это количество самолетов обеспечит нам и господство в воздухе над 1 300–1 500 самолетами противника, могущими быть здесь сосредоточенными.

Недостаточное развитие железных дорог в Правобережной Украине по сравнению с тем огромным количеством вооруженных сил (до 70 % всей действующей армии), которое здесь должно сосредоточиться, вызывает необходимость усиленного строительства грунтовых дорог еще в мирное время и обеспечения действующих частей богатым автотранспортом как в корпусном, так и в армейском звеньях подвоза. В числе этого автотранспорта надо иметь большой процент автоцистерн. Примерные и крайне ориентировочные подсчеты говорят о необходимости иметь не менее 5-ти автотранспортов по 20-ти 2 1/2-тонных машин на стр[елковую] дивизию или 14 000 машин и, кроме того, 2 500–3 000 машин на обслуживание авиации, автотранспорта и бронечастей (снабжение

горючим, маслами и запасными частями), а также на обслуживание войск связи. Таким образом, общее количество необходимых груз[овых] машин доходит до 17 000. Оно останется неизменным или будет возрастать в зависимости от быстроты передвижения наших частей и скорости восстановления железных дорог.

Подводя итоги потребного количества строевых единиц для 1-го этапа 1-й же кампании, мы видим, что оно выражается в 209–217 стр[елковых] дивизий, 20–25 кав[алерийских] дивизий, 19 600–22 000 танков, 21 500–24 000 самолетов, без особых резервов Главного Командования. В резервах же Главного Командования надо иметь пулеметные батальоны для усиления частей С[еверо]-Зап[адного] фронта и Румынского на период организации здесь сдерживающих действий — т. е., по крайней мере, около 60–70 отд[ельных] пул[еметных] батальонов; авиацию, как общую, так и специального назначения (например, дальние бомбардировщики), в количестве хотя бы 10 % к числу действующих самолетов — т. е. в 2–2,5 тыс., и некоторое количество специальной артиллерии — 2–3 арт[иллерийских] дивизии. Потребное количество огнеприпасов, автотранспорта, горючего и других материалов указано в приложении № 1*.

Второй этап 1-й кампании будет проводиться с помощью тех же, в основном, сил, но частично перегруппируемых, и тех новых формирований, которые к этому времени должны быть подготовлены.

Рассматривая потребности ее по отдельным задачам, стоящим на разрешении в течение этой кампании, мы имеем:

Концентрический удар за Вислу наших сил Северо-Западного и Польско-Чешского фронтов, организуемый с выходом наших сил на польском фронте в район Ковель–Львов, имеет для своего развития уже готовые группировки:

а) В районе Ковно, Вильно, Молодечно — до 35 стр[елковых] дивизий, 6–7 кав[алерийских] дивизий, 5,5–6 тыс. танков и 4 500 самолетов.

б) На участке от Молодечно до Полесья — до 20 стр[елковых] дивизий, около 1 000 танков и 1 200 самолетов.

в) На участке к югу от Полесья до Карпат — около 100 стр[елковых] дивизий, 10–12 кав[алерийских] дивизий, 9 тыс. танков и 13–14 тыс. самолетов.

Объединив обе первые группы в качестве Северо-Западного фронта, мы должны признать, что для его более чем 400 клм. протяжения они недостаточны, хотя усиление потребуется главным образом для группы «б». Здесь надо добавить до 20 стр[елковых] дивизий и 5–6 кав[алерийских] дивизий, что даст среднюю плотность на 280–к[и]л[о]м[етровом] фронте этого участка в 7 клм., т. е. достаточную для организации прорыва на этом бывшем до сих пор пассивном и поэтому, возможно, укрепленном фронте. В соответствии с увеличением живой силы численность танков необходимо довести до 3 000 и самолетов [до] 4,5–5 тысяч, а также несколько усилить артиллерийскими средствами, придав 1–2 тяжелых дивизиона на корпус из АРГК.

В соответствии с этими мероприятиями фронт будет нуждаться и в усилении его автотранспортом, который для его, в общей сложности, 75 стр[елковых] дивизий, 12 кав[алерийских] дивизий, 8–8,5 тыс. танков и 9–10 тыс. самолетов потребуется в размере не меньше чем в 10–12 тыс. автомашин, только обслуживающих подвоз боевых припасов, горючего и провианта. Получить необходимое пополнение фронта можно как за счет переброски части сил и средств с финского фронта (4–5 стр[елковых] дивизий, около 1 000 танков и 1 000 самолетов), так и введением в состав армии второочередных формирований (15–16 стр[елковых] дивизий, все кав[алерийские] дивизии и остальные авиа- (2,5–3 тыс. самолетов) и танковые части (1 000 танков).

Группа «в» потребует только пополнения в личном составе и в материальной части, в новых же организационных единицах нуждаться не будет.

* Приложение не обнаружено. — О. К.

Нанесение короткого удара по Румынской армии в целях отбросить ее за р.р. Прут и Серет и проведением над ней этой операции лишит всякой возможности оказать помощь Польше может быть проведено с действительным успехом при некотором усилении действовавших до сих пор частей румынского фронта. Это усиление может идти в основном не за счет подачи сюда новых стр[елковых] дивизий (имеющихся 40 стр[елковых] дивизий при равном числе дивизий противника вполне достаточно), а путем усиления специальных средств^{**}). Это, во-первых, понтонные части, во-вторых, авиация, в-третьих, артиллерия, в-четвертых, конница. Понтонные части должны обеспечить одновременно наводку не менее чем по 1 мосту на дивизию, т. е. 40 мостов; авиация — решительное превосходство над авиацией и артиллерией противника и полное закрытие переправ в тылу румынской армии на р.р. Прут и Серет; артиллерия — обеспечение наших переправ; конница — стремительность прорыва в тыл противника и на переправах.

Исходя из этих требований, авиацию надо довести до 7–8 тыс. самолетов (или, другими словами, в несколько раз превосходить противника), артиллерию сосредоточить на фронте прорывов в количествах, дающих до 100–120 орудий на километр, т. к. танки на переправах проявить своего могущества почти не смогут, а конницу сосредоточить в двух-трех группах по 3–4 дивизии, или 9–12 дивизий. Такое усиление румынского фронта даст нам возможность, как только наш концентрический удар по польской армии начнет развиваться и сужающийся фронт освободит часть танковых войск, перебросить их на румынский фронт и перейти и здесь в решительное наступление.

Достижение в Польше и Румынии целей, поставленных перед собой в 1-й кампании, открывает возможность довести до полной ликвидации Шведо-финский участок театра войны, перебросив туда освобождаемые силы.

Таким образом, к началу 2-й (вероятно) пассивной зимней кампании мы будем иметь:

стр[елковых] дивизий — 225–230

кав[алерийских] дивизий — 40–47

танков — 22–23 тысячи

самолетов — 32–35 тысяч

отд[ельные] пулеметные, артиллерийские части и различные инженерные части в количестве, образовавшемся в начале войны, кроме саперных частей, которые потребуются во 2-ую кампанию в двойном количестве.

К моменту окончания 1-й кампании запасные части должны подготовить пополнение до полного штата потерь наших строевых частей и кадры новых формирований для авиации, саперных и танковых частей, а также, возможно, и новых по своему роду оружия войск.

Во время 2-й кампании нам надо создать и ввести в строй новые технические средства, усовершенствовать по опыту только что прошедшей кампании танки и самолеты и насытить ими армию в размерах, превосходящих это оружие у наших новых противников — великих держав.

Это потребует, очевидно, большой строительной деятельности уже во время 1-й кампании, а также во время самой 2-й кампании.

в) Обеспечение операций на западном театре войны действиями на остальных театрах.

В период развертывания событий 1-й кампании на западном театре войны может образоваться известная угроза их намеченному ходу только в виде десантов каких-либо союзных для наших противников армий.

Угроза таких десантов на Балтике ликвидируется успехом наших действий в Эстонии и Латвии, т. к. возможность высадки десантов в Финляндии будет после этого крайне малой (имея возможность после занятия Ревеля и Гапсала базировать наш морской и воздушный флот на эти пункты, мы можем прекратить всякую навигацию в районе Аландских островов и входов в Финский и Ботнический заливы).

^{**}) часть танков к этому времени надо иметь земневодных.

Остается, таким образом, возможность десантов в Мурманске, которые в силу удаленности этого пункта и чисто местных топографических условий для нас не являются опасными, и на юге — на побережье Черного моря.

Кавказско-Черноморский театр военных действий может стать действующим только при помощи великих держав и при переходе в лагерь наших противников Турции. До выступления великих держав наше морское превосходство в Черном море обеспечивает безопасность, с началом же здесь активных морских операций мы имеем время, до момента блокады нашего флота в одном из портов, развивать свои операции на западном театре в намеченных темпах. Блокада нашего флота создаст возможность десантов. Источниками для организации десантных корпусов могут быть: армии Болгарии, Румынии, Турции и Греции, а также Югославии и Италии. Прочие великие и малые державы Европы в этих десантах могут участвовать только отдельными и небольшими отрядами. (Французы и англичане, например, — своими отрядами из Палестины, Сирии, Египта, незначительно усиливаемыми из метрополии или ближайших колоний и подмандатных стран.) Однако надо учесть, что труднейшие десантные операции даже малых отрядов требуют надежных морских подвозящих путей, больших количеств транспортных судов и соответствующей территориальной базы в районе намеченного действия десантной армии.

Опыт Дарданелл показывает, какие трудности стояли перед англичанами при проведении этой операции, хотя ее тыловые линии и фронт развертывания были неизмеримо меньше необходимого на Кавказско-Крымском фронте, если противник пойдет не на очковитительство, а на действительную по результатам сухопутно-морскую операцию.

Основой наших действий в случае угрозы десантов будет:

- 1) Препятствие подходу транспортов с войсками средствами морского и, особенно, воздушного флота.
- 2) Ликвидация десантов на берегу атакой их самолетами и танками.
- 3) Заблаговременная подготовка материальных условий для таких действий (организация посадочных площадок для самолетов, баз для подводных лодок и закрытие минированием и артиллерийской обороной средствами полевой тяжелой артиллерии Керченского пролива и устьев Зап[адного] Буга и Днестра).

В случае угрозы средства воздушного флота, помимо гидроавиации Черного моря, могут быть переброшены с любого из наших фронтов, равно как и некоторое количество танков и резервных стр[елковых] дивизий.

Насыщение Румынского фронта в период его сдерживающих действий рассчитано мной в несколько повышенных нормах, имея в виду необходимость обеспечить эту возможность для участка от устья Днестра до Керченского пролива; однако осуществимость этой возможности требует ускорить постройку и развитие железных дорог, идущих от Днестра к Николаеву и далее к Армянскому базу и Джанкою.

Для безопасности побережья от Керчи до Батума необходимо: запасные части, вновь формируемые кав[алерийские] и стр[елковые] дивизии, авиаотряды и танковые части, а также 1–2 кадровых дивизии иметь в районах Краснодара, Новороссийска, Тифлиса, Баку и Батума в качестве передовых частей для тех сил, какие нам, возможно, потребуется перебрасывать сюда за счет ослабления наших второстепенных участков в начале 1[-й] кампании (Финляндский и Северо-Западный фронты).

В тех же целях резервные дивизии АРГК также выгоднее всего формировать в районе Харьков–Днепропетровск и Ростов как находящихся на удобных путях связи с главными фронтами зап[адного] театра и с ответственными участками Кавказско-Черноморского театра.

Для обеспечения Средне-Азиатского театра и Д[альнего] Востока, имеющиеся здесь с мирного времени стрелковые и кав[алерийские] части совместно с пограничными

войсками должны составить объединенные полевым командованием отряды, приведенные с началом войны в боевую готовность.

Обеспечение этих отрядов сильной авиацией (для Средней Азии 1 000 самолетов и для Дальнего Востока 1 500–2 000 самолетов) будет достаточным для развертывания сдерживающих действий на этих театрах в случае появления на нем противника. Перед Среднеазиатским театром во время 1-й кампании будет стоять задача глубокой и тщательной авиаразведки в направлении Индийской границы и подготовка транспортных средств, тренировка в горных походах, чтобы в случае возникновения необходимости иметь возможность стрелковым и кав[алерийским] частям вместе с усиленной до нескольких тысяч самолетов авиацией вторгнуться с началом 3-й кампании в пределы Сев[еро]-Зап[адной] Индии, Белуджистан и Афганистан. Уже в мирное время, а с возникновением войны во время 1-й и 2-й кампаний должно быть развернуто энергичное строительство и восстановление или переделка идущих к границе дорог с целью приспособить их под автомобильный транспорт.

4. Заключение.

Таким образом, масштаб и характер предстоящей борьбы, необходимые темпы развития боевых действий и характер стоящих задач требуют несколько иной организации вооруженных сил и иного развития оборонных мероприятий в народном хозяйстве, чем имеется сейчас и намечается, с одной стороны, НКВМ, а с другой — нашим 5-тилетним планом.

Эти отличия, вытекающие из поставленных нами задач полной победы над коалиционной армией противника путем обеспечения себе помимо превосходства в политическом отношении решительного превосходства над ней отчасти в отношении численности Красной Армии, а в основном в отношении средств воздушного флота и бронетанковых средств подавления пехотного огня противника, можно систематизировать в таких выводах:

1. Общая численность развертываемой при мобилизации Красной Армии в отношении количества стрелковых дивизий 1-й очереди, т. е. тотчас же по окончании мобилизации сосредоточиваемых на театре войны, должна достичь 200 стр[елковых] дивизий (считая и те дивизии, которые остаются на Кавказе, в Средней Азии и на Дальнем Востоке); в отношении кавалерийских — 25 дивизий; танковые войска — 220 отд[ельных] танковых батальонов с 22 тыс. танков в строю; соответствующего количества авиачастей с 30 тыс. действующих самолетов (считая и оставляемые в Ср[едней] Азии и на Дальнем Востоке, а также резерв Главного Командования); артиллерии — Резерва Главного Командования — 3 арт[иллерийские] дивизии с 450 различными тяжелыми орудиями^{*)} и 250 автомобильных противосамолетных 4-х орудийных батарей; 60 отд[ельных] пулеметных батальонов для усиления оборонительных участков фронта.

Различные иные, инженерные, технические и химические войска в соответствующей пропорции.

Транспортные средства сверх войсковых в виде 2 тыс. автотранспортных отрядов по 20 машин 2 1/2-тонных или всего 40 тысяч грузовых машин (100 тысяч полутонных) и соответствующего количества легковых и специальных.

2. Стрелковые дивизии, имея в тех случаях, когда они участвуют в активных действиях, могучее оружие подавления пехотного огня противника — танки, а для борьбы с артиллерией противника — самолеты, получают возможность более простой организации; при оборонительных действиях — танки, авиация и спец[иальные] пулеметные батальоны дают возможность иметь те же облегченные дивизии.

Вместо насыщения в чрезвычайных размерах станково-пулеметным оружием, дивизии в целях большей подвижности на поле боя должны опираться на огневую работу главным

^{*)} 100 бат[арей] — 3-х орудийного состава и 75 бат[арей] 2-х орудийного состава.

образом ручных пулеметов, которыми надо снабдить все отделения пехоты. В этом случае стрелковая рота, состоящая, как и теперь, из 5 взводов, может быть упрощена в своей организации тем, что ее 4 боевые взвода будут однотипные, а 5-й взвод — взводом управления; боевые взводы стрелк[овых] рот желательно иметь делящимися также на однотипные отделения — стрелково-пулеметные, из которых каждое имеет ручной пулемет и обслуживающих его двух бойцов, трех ружейных гранадер и четырех стрелков (один или два стрелка с автоматическими винтовками), составляя вместе с отдел[енным] ком[андир]ом группу в 10 человек.

Таким образом, взвод, имея 3 боевых отделения и 1 отделение управления (подносчики огнеприпасов и связные — тоже 10 человек), будет иметь численность в 40 человек, легко управляем и подвижен. Огневая сила взвода и его ударная сила выразятся в 1 000 пуль и 10 ружейных гранат в минуту без винтовок отделения управления и в 35 штыков, т. е. не уступая в обоих случаях современному взводу в РККА.

В батальоне, кроме 3 стр[елковых] рот указанной организации, необходимо иметь 4-ю огневую роту, состоящую из 3-х взводов станковых пулеметов пехоты, 1 взвода крупнокалиберных противотанковых пулеметов, 1 взвода противосамолетных пулеметов и взвода управления.

Взводы станковых пулеметов однотипные, по 2 отделения с 2-мя станковыми в каждом, или в роте 12 станковых пулеметов пехоты, 6 крупнокалиберных пулеметов и 6 противосамолетных (последние взводы по 3 отд[еления]).

Пулеметные отделения, как и в стр[елковых] ротах, численностью по 10 человек. Кроме, таким образом, 4-х рот, в батальоне при его командире следует иметь взвод связи в составе 2-х отделений, одно — технической связи и другое — сигнальное.

В полку, кроме одинаковых по организации 3-х батальонов, иметь:

а) 1 роту мелкокалиберной артиллерии и минометов — 3 взвода по 2 отделения (одно — пушечное, а другое — минометное);

б) дивизион полковой артиллерии трехбатарейного состава, вооруженных пушками образца 1927 г. (по 2) в двух батареях и гаубицей (2 орудия) в 1 батарее.

В полку, кроме того, иметь штатный разведотряд на автомобилях, соответствующий по организации стр[елковой] роте со взводом бронемашин (2 пулемета и 1 пушка на машину), а равным образом, полковую саперную роту, роту связи, роту химической борьбы, сводимые в 4-й технический батальон, и хозяйственную роту с полковым транспортом. Санитарная и ветеринарная часть в существующей ныне форме, точно так же, как и политическая часть с походным клубом.

Полковой транспорт — боевой и походные кухни — термоса на вездеходных автомобилях; патронные и пулеметные повозки — на танкетках с колесным и гусеничным ходом.

В стр[елковой] дивизии, кроме 3-х стр[елковых] полков и разведотряда дивизии, состоящего из стр[елковой] роты, эскадрона, взводов тяжелых бронемашин, а также необходимых спецчастей, транспортов и парков на автогрузовиках, необходим артиллерийский полк трехдивизионного состава; 2 дивизиона по 2 батареи 3-х орудийного состава (одна гаубичная и 1 пушечная) и третий дивизион 3-х батарейного состава тяжелых орудий (2 батареи тяж[елых] гаубиц 1 бат[арея] тяжелых пушек).

Таким образом, стр[елковая] дивизия будет иметь:

в стр[елковых] полках по 2 легк[ие] гаубицы и 4 легк[ие] пушки, или в дивизии 6 гауб[иц] и 12 пуш[ек];

в арtpолку — 6 легк[ких] гаубиц, 6 легк[ких] пуш[ек], 6 тяж[елых] гауб[иц] и 3 тяж[елые] пушки, а всего 12 легк[ких] гаубиц, 18 легк[ких] пуш[ек], 6 тяжелых гаубиц и 3 тяж[елые] пушки, или 39 орудий, кроме мелкокалиберной артиллерии и артиллерии на бронемашинах.

Корпусная артиллерия — только противосамолетная конная или автомобильная — дивизион 3-х батарейного состава (по 4 зенитных орудия в батарее).

В корпусе, сверх входящих в состав дивизий специальных частей, иметь авиаразведывательный отряд, батальон связи и инженерные части. Инженерные части в корпусе должны быть узкоспециального назначения — электротехническая рота (электрификация заграждений, электроосвещение, прожектора), авторемонтная рота и дорожно-ремонтная рота. Кроме того, во время войны в состав корпусов могут быть включены химические части (рота или батальон химических средств нападения).

Корпусные довольствующие учреждения и транспорта в соответствии со штатами дивизии, из расчета обеспечения возимыми запасами всего (в частях, дивизионных и корпусных транспортах) пяти-шестидневной потребности.

3. Кавалерийские дивизии и корпуса, так же как и пехота, требуют реорганизации (в направлении, во-первых, усиления огневой силы путем придачи автоброневых средств полкам и дивизиям и, во-вторых, моторизации обозов). Артиллерийское вооружение усиливать необходимости нет. Средства беспроводной связи, а также штатные средства авиаразведки должны быть увеличены.

4. Потребность в средствах для ведения первого и второго года войны, в соответствии с изложенным планом развития боевых действий и намеченной организацией вооруженных сил, указана в прилагаемой ведомости⁺.

Эта потребность может быть обеспечена к концу пятилетки при условии надлежащей подготовки военных производств, что потребует затрат материальных средств и энергии на организационную работу в мирное время, главным образом в направлении танкостроения и самолетостроения и их вооружения. По остальным видам потребностей проводимыми в настоящее время мероприятиями уже почти полностью обеспечивается, как в отношении подготовки по действующим планам производственных мощностей, так и сырьевых ресурсов, возможность удовлетворения их.

5. В качестве технических задач, требующих своего разрешения для удовлетворения в полной мере потребностей армии, выявляются:

- а) потребность в простом и дешевом деревянном самолете, поддающемся массовому производству;
- б) таком же простом и дешевом авиамоторе;
- в) необходимость ускорить конструирование противотанкового крупнокалиберного пулемета или мелкокалиберной автоматической пушки;
- г) землеводные танки и танки-истребители;
- д) грузовые танкетки (автомобильно-гусеничные грузовые тележки);
- е) танковые возки, на которых происходит перемещение танков по дорогам вне поля боя в целях сохранения гусениц [и] ускорения движения.

Чл[ен-]сотрудник

Н. Снитко

4/IV-1930 г.

РГАЭ. Ф. 4372, оп. 91, д. 1271, л. 29–11 об. Машинопись с рукописной правкой чернилами. Документ снабжен грифом «Сов. секретно», который впоследствии был закрашен чернилами. Подпись — автограф.

Всего отпечатано 2 экземпляра. На первой странице имеется помета одного из сотрудников СО «Оба экземпляра теперь налицо — подшить в папку разных

⁺ Ведомость не обнаружена. — О. К.

материалов». Впоследствии (5 марта 1933 г.) первый экземпляр был уничтожен с составлением на последней странице документа соответствующего акта.